

Фонды Государственного архива в Автономной Республике Крым периода Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.

Л. В. Гурбова, директор Государственного архива в Автономной Республике Крым, заслуженный работник культуры Украины

Архивы сегодня рассматриваются как уникальный «архетип» культуры человека. Это особая историко-культурная ценность, генетически связанная с деятельностью человека и которая больше никогда не повторится, поэтому должна сохраниться и быть использована в наиболее приемлемом для всего сообщества виде.

Возрастание национального самосознания и в связи с этим расширение и углубление интереса к своему прошлому, стремление глубже разобраться в причинах мировых катастроф, в других актуальных проблемах способствует развитию архивного информационного пространства. Архивы все больше становятся воплощением непрерывности культурно-коммуникативных связей людей во времени и пространстве. Материалы одного отдельно взятого документа, дела или же архива на определенной территории могут раскрыть причины или следствия одной или нескольких важных проблем или уроков, извлеченных из прошедших событий.

Так, если взять для рассмотрения период середины XIX столетия, то для многих стран и народов, а практически для большей части человечества значимы были события 150-летней давности – Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов.

Государственный архив в Автономной Республике Крым представляет для рассмотрения исследователям как опубликованные, так и неопубликованные материалы по истории Крымской войны 1853–1856 годов.

Документы архива отражают состояние Таврической губернии накануне, в течение и после окончания войны; деятельность местных правительственных и общественных учреждений и частных лиц. Прежде всего – это материалы Канцелярии Таврического губернатора, которые раскрывают тяготы и беды, причиненные народам Крыма, разнородным по своему происхождению, языку и вере. Война затмила и поглотила все другие интересы местного населения и потребовала от него страшных жертв и лишений.

Первым исследователем крымских архивов, касающихся Крымской войны, был Арсений Маркевич, обобщивший материалы и опубликовавший в 1905 году свои исследования в Известиях Таврической ученой архивной комиссии. Его труд «Таврическая губерния во время Крымской войны» (Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК), 1905, № 37) представляет обзор событий Крымской войны в основном по фонду Канцелярии Таврического губернатора, который и в настоящее время сохранен и может быть использован исследователями. Им было проанализировано более 1000 дел, касающихся предвоенной ситуации, непосредственно событий 1853–1856 годов, а также последствий этой военной катастрофы.

Сегодня мы можем сказать, что архив выполнил одну из своих миссий – хранения. И через 150 лет он может предоставить исследователям наибольшее по объему количество дел фонда Канцелярии Таврического губернатора, которые относятся к Крымской войне, а также документы Таврического губернского правления, Канцелярии Керчь-Еникальского градоначальника; городских дум и управ, волостных правлений, Комитета, учрежденного в Симферополе для принятия мер против заразных болезней (1853–1856), где имеются циркуляры Министерства внутренних дел, Таврического и Херсонского губернаторов, в том числе об образовании государственного ополчения (1854–1855 годов), мерах по ликвидации последствий войны (1853–1856), сообщения городских дум о состоянии городов и разрушениях, причиненных войной, дела с донесениями о распространении эпидемических заболеваний, о происшествиях и убытках, причиненных войной, о снабжении материалами для дезинфекции и мобилизации военных частей для очистки местности и борьбе с эпидемиями.

8 сентября 1854 года Симферопольский и Таврический гражданский губернатор Пестель распорядился эвакуировать из Симферополя все учреждения с их архивами в г. Мелитополь. И 10 сентября более 1000 подвод двинулись из Симферополя по

перекопской дороге. Но в тот же день было получено уведомление от главнокомандующего князя Меншикова, что Симферополю не угрожает никакая опасность, так как неприятель двинулся на Южную сторону, к Севастополю. Все вернулись обратно.

Для удобства решения ряда вопросов военного значения, наряду с существующей Канцелярией, в 1854 году была создана Временная канцелярия, во главе которой стоял Таврический гражданский губернатор. В этот период он называется «военным губернатором г. Симферополя и Таврическим гражданским губернатором». Временная канцелярия рассматривала и решала вопросы назначения войск в Таврическую губернию, отвода помещений под военные нужды, эвакуации населения, уничтожения продовольственных запасов в случае нападения неприятеля, а также принимала меры для поддержания порядка в губернии.

В материалах имеется указ об объявлении Херсонской, Таврической и Бессарабской губерний на военном положении, циркуляры о прекращении отставки и отпуска нижним чинам по всем родам войск, которые были получены Таврическим гражданским губернатором 29 ноября 1853 года. В рапортах градоначальников и земских исправников имеются подробные сведения о расположении неприятельских войск в Евпатории, о движении неприятельского флота у берегов Черного и Азовского морей, о бомбардировке Генческа, о высадке десанта в Алушке, об ущербе, нанесенном городам во время пребывания там неприятельских войск.

В деле «О переданной французским и Английским Адмиралами Декларации о блокаде портов Азовского и Черного морей» имеются сведения о проведении блокады (документ на французском языке), о блокаде с 1 января 1855 года портов Черного и Азовского морей. Большая часть дел Канцелярии содержит сведения об обеспечении войск и перевозке продовольствия, о мобилизации рабочего скота, о злоупотреблениях в среде чиновничества. Особо отмечалась необходимость водворения гражданского и полицейского порядка после окончания в 1856 году военных действий и оставления союзными иностранными войсками пределов Таврической губернии. Большое внимание уделялось полицейскому надзору и медицинской части. Немедленный ввод российских войск был запрещен, чтобы не распространить болезни, которые свирепствовали у союзников. По предписанию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторов была создана карантинная линия от Генческа до Перекопа.

В делах имеются данные о потерях имущества жителями Крыма в результате войны, копия Указа Сената о распространении преимуществ, представленных Севастопольскому гарнизону, и на гражданских чиновников, как состоявших во всех управлениях и в присутственных местах города Севастополя, так и в морском ведомстве при Севастопольском порту. Целый ряд документов свидетельствует о волне патриотического подъема, связанного с Крымской кампанией 1854–1856 годов, когда начались многочисленные пожертвования в пользу действующей армии, в пользу больных и раненых воинов.

Необходимо отметить наличие материалов о пожертвовании 20000 четвертей хлеба государственными крестьянами северных уездов Таврической губернии, сводные данные о пожертвованиях, сделанных частными гражданами.

Материалы Крымского архива, касающиеся периода 1853–1856 годов, активно изучались и приводились в порядок членами Таврической ученой архивной комиссии, правителем дел которой был Арсений Маркевич. Необходимо отметить труд Арсения Маркевича «Таврическая губерния во время Крымской войны (по архивным материалам)», который был опубликован в Известиях Таврической архивной комиссии в 1905 году и по своему объему исследуемых источников из местных архивов заслуживает особого внимания современных исследователей материалов по Крымской войне.

В Известиях Таврической ученой архивной комиссии был опубликован целый ряд материалов по архивным документам. Это статьи В. Ракова «Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны 1853–1856 г.г.», где имеются упоминания о могилах французских солдат на кладбище на восточной окраине г. Евпатории по дороге на Перекоп; Л. Романюка «Жертвы государственных крестьян Таврической

губернии во время Крымской войны (по материалам архива Управления Государственными имуществами Таврической и Екатеринославской губерний)»; Л. Романюка «Учебные заведения Таврической губернии во время Крымской войны (по делам архива Симферопольской гимназии)»; В. Смирнова «Из воспоминаний о Крымской войне»; отчет о деятельности высочайше учрежденного под председательством Великого князя Александра Михайловича Комитета по восстановлению памятников Севастопольской обороны (к 50-летию Севастопольской обороны) под редакцией А. Маркевича; Воззвание Комитета о восстановлении памятников Севастопольской обороны; текст Высочайшей благоволительной Грамоты, пожалованной 26 августа 1856 года в день коронавания Александра II населению Таврической губернии.

Благодаря публикациям в Известиях дошел до нас и текст Высочайшей благоволительной Грамоты, пожалованной населению Таврической губернии за жертвы святому делу Отечества в день коронавания Александра II 26 августа 1856 года и по его же повелению хранившейся в Симферопольском Кафедральном соборе до его разрушения.

«Для принятия Грамоты 18 октября 1856 г. в Симферополе собрались губернские и уездные предводители дворянства, городские головы, волостные головы ближайших селений – все с депутатами, а также депутаты от крымских колоний, Таврических муфтий с почетнейшим магометанским духовенством. Начальствующие и почетные лица и депутаты собрались к 10 часам утра в губернаторском доме для принятия высочайше пожалованной грамоты, которая торжественно перенесена была в собор, где собрались должностные лица и множество народа. По окончании литургии совершено было благодарственное молебствие по случаю высочайшей милости» (ИТУАК, № 37, с. 258–259).

Интерес к Крымской войне проявляется чаще к юбилейным, памятным датам. Так, к 50-летию Крымской войны в 1902 году в ИТУАК было опубликовано «Воззвание комитета о восстановлении памятников Севастопольской обороны», которое представлено вашему вниманию:

«В 1905 году исполнится полувековая годовщина Крымской войны, ознаменовавшей одиннадцатимесячной геройской обороной Севастополя.

Государь Император, желая увековечить в памяти потомства места, прославленные непоколебимой стойкостью и беззаветною храбростью русских войск, Высочайше соизволил возложить задачу эту на его Императорское Высочество Великого Князя Александра Михайловича и учрежденный при Его Императорском Высочестве особый комитет, повелел отпустить из Государственного казначейства средства, необходимые для выполнения этого обширного дела в главных его чертах.

По высочайше утвержденному проекту работ, предложено обозначить места бывшей оборонительной линии, увековечить наименования отличившихся частей войск и фамилии отдельных лиц, поставить памятники в воспоминание наиболее выдающихся событий и надмогильные монументы воинам, доблестно погибшим при обороне Севастополя. При наличности достаточных средств имеется, кроме того, в виду устроить часовню в башне Малахова кургана на месте бывшей там во время обороны, привести в благоустроенный вид те кладбища под Севастополем, где покоятся остатки храбрых, для которых не достало места на стотысячном Братском кладбище, дать посильное обеспечение впавшим в нищету севастопольским ветеранам и расширить учрежденную при севастопольском музее ремесленную школу для сирот и приют для инвалидов.

Незабвенная в истории России оборона Севастополя, непрерываемое свидетельство мощи и духовной крепости русского народа, изумивших весь мир, есть, наравне с Отечественной войной, не только достояние русской армии и флота, но и всего русского народа. А потому широкое увековечение памяти обороны Севастополя, помощь престарелым ветеранам и надзор за местами упокоения усопших должны быть предметом попечения для всей России.

Государю Императору, по всеподданнейшему докладу Августейшего Председателя комитета Великого Князя Александра Михайловича, угодно было разрешить для этой цели всеобщую подписку, дабы предоставить возможность всем членам Великой

Русской Семьи удовлетворить своей душевной потребности участием в этом святом деле.

С Высочайшего соизволения, последовавшего 5-го октября сего года, Августейший Председатель комитета Великий Князь Александр Михайлович доводит до сведения лиц, которые пожелали бы оказать комитету посильное содействие в деле увековечения памяти Севастопольской обороны, что пожертвования принимаются:

- 1) В конторе Двора Великого Князя Александра Михайловича (С.-Петербург, Офицерская, 35),
- 2) В редакциях следующих газет и журналов: «Русского Инвалида» (Литейный, 21). «Нового Времени» и «Морского Сборника» и
- 3) В музее севастопольской обороны (Севастополь, Екатерининская улица).

Желательно знать фамилии жертвователей для включения их в книги, которые будут храниться в музее севастопольской обороны» (ИТУАК, № 34, стр. 125-126).

Но даже не исследуя досконально архивные материалы по Крымской войне, а только подготавливая сведения по определенным темам, понимаешь, насколько трагичны события войны, сколько бед и тяжестей пришлось перенести, в первую очередь гражданскому населению.

Архивные материалы о Крымской войне, сохранившиеся в Государственном архиве Автономной Республики Крым, – это дань памяти, своеобразный (документальный) памятник нашим предкам, перенесшим все тяготы 1853-1856 годов; это предупреждение живущим ныне, что войны, какие бы цели ни преследовали, – зло.

<http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=80&par=74&l=&art=214>

=====

Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917-1920 гг.)
С. А. Андросов,
главный специалист Государственного
архива Автономной Республики Крым

1917-й год стал переломным в истории Российского государства. Февральская и последовавшая за ней Октябрьская революция разрушили основы прежнего государственного устройства. Глубокий раскол, происшедший в обществе, породил братоубийственную гражданскую войну, повлекшую за собой колоссальные потери людских и материальных ресурсов. Социальные катаклизмы не обошли стороной и Крым. За четыре года здесь сменилось несколько правительств. Каждое из них в соответствии со своей политической окраской и в силу понимания текущего момента пыталось осуществлять преобразования в различных сферах жизни полуострова. В статье нашла отражение проводимая ими политика в области охраны историко-культурного наследия, хотя, принимая во внимание кратковременность их пребывания у власти, в большей степени придется рассуждать о реализации отдельных мероприятий, а зачастую лишь о намерениях. Речь пойдет о памятниках, музеях, частных коллекциях. Хронологические рамки ограничиваются периодом с февраля 1917 г., приведшего к падению монархии в России, по ноябрь 1920 г., когда с разгромом врангелевцев в Крыму завершилась гражданская война в ее классическом понимании.

Данная тема в историографии остается малоизученной. В публикациях Ю. А. Бычкова, В. К. Гарданова, О. В. Ионовой, Е. В. Кончина, Д. И. Равикович, В. А. Разумова, посвященных истории музейного строительства и охраны памятников в РСФСР, основное внимание уделено Петрограду, Москве и другим наиболее значительным центрам сосредоточения культурных ценностей.¹ Особо следует отметить монографию Ю. Н. Жукова, представляющую собой обобщающее исследование о деятельности органов охраны памятников истории и культуры в 1917-1920 гг.² Однако в ней показано становление государственной системы охраны памятников в Крыму в ноябре-декабре 1920 г.; а интересующий нас период оказался обойденной стороной, так как автор не ставил перед собой задачу исследовать данную тему на территориях, где кратковременно утверждались буржуазные режимы в период

гражданской войны. В кандидатской диссертации В. Ф. Козлова проведен источниковедческий анализ документов Музейного отдела Наркомпроса РСФСР и Российской академии истории материальной культуры об их взаимоотношениях с крымскими музеями в 1918–1919 гг.³ С. Б. Филимонов опубликовал в извлечениях хранящийся в отделе фондов Крымского республиканского краеведческого музея отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) за 1920 г., занимавшейся сохранением исторических и культурных ценностей.⁴ А. Г. Зарубин и В. Г. Зарубин обратили внимание на некоторые мероприятия по поддержанию музеев и охране памятников, проведенные Крымскими краевыми правительствами М. А. Сулькевича и С. С. Крыма в 1918–1919 гг.⁵ Судьбе коллекции древностей, принадлежавшей археологу и нумизмату А. Л. Бертье-Делагарду, посвятил статью А. И. Маркевич.⁶

Вместе с тем изучение документов хранящихся в государственном архиве Автономной Республики Крым, позволяет дополнить сложившееся по перечисленным выше публикациям представление о том, как решались вопросы сбережения культурного наследия прошлого на полуострове во время революции и гражданской войны. По тематическому признаку их условно можно разделить на три основные группы. Первую образуют документы из фондов наркомата внутренних дел Советской Социалистической Республики Тавриды, Симферопольского военно-революционного комитета, Совета министров и министерства внутренних дел (МВД) Крымского краевого правительства, Таврического губернского управления, связанные с охраной памятников. Среди них – постановления и распоряжения о проведении учета культурных ценностей, об обеспечении сохранности архитектурных и археологических памятников Евпатории, о финансировании расходов по содержанию памятников на Историческом бульваре в Севастополе. Определенный интерес представляют материалы о попытке создания в Крыму самостоятельной археологической комиссии.

Вторую группу составляют документы, относящиеся к деятельности музеев. В фондах Таврического губернского управления, Крымской национальной татарской дирекции содержатся сведения о становлении Бахчисарайского музея. В фондах министерств внутренних дел и просвещения Крымских краевых правительств, Керчь-Еникальск городской управы имеются ходатайства заведующих Керченского и Херсонесского музеев об оказании финансовой помощи. Докладные записки, отчеты, переписка о деятельности Ялтинского естественноисторического музея сосредоточены в фондах Ялтинской городской управы и Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба (ЯОККГК). В фонде Симферопольского военно-революционного комитета имеется постановление о придании дому писателя А. П. Чехова в Ялте статуса государственного музея.

К третьей группе относятся документы из фондов управления государственными имениями Южного берега Крыма, комиссариата национальных имений в Крыму, главного управления советскими хозяйствами Южного берега Крыма, позволяющие проследить участь бывших удельных и частных имений, в которых находились значительные исторические и художественные ценности. В них представлены приказы о национализации имений, об обеспечении их охраны, переписка об изъятии мебели, предметов быта и искусства из дворцов и особняков, акты и описи имущества поместий.

К началу 1917 г. Таврическая губерния располагала значительными историческими и культурными ценностями. Она являлась уникальной по плотности и разнообразию археологических, исторических и архитектурных памятников, сосредоточенных в ее пределах. В 1917 г. список открытых античных городов пополнила Керкинитида, которой грозила участь быть погребенной под новостройками Евпатории. Только благодаря письму заведующего Херсонесским музеем Л. А. Моисеева и записке профессора Петроградского университета М. И. Ростовцева «О необходимости расследования античных остатков около нынешней Евпатории и желательности основания местного музея в Евпатории», направленных на имя городского головы С. Э. Дувана, строительство на участках обнаружения древностей удалось остановить.⁷ 5 октября 1916 г. Евпаторийская городская дума на своем заседании постановила: «...1) признать желательным производство раскопок с целью

отыскания античных остатков во всех тех местах городской территории, где будут производиться какие-либо постройки, 2) ассигновать для этой цели 3000 рублей... 5) признать желательным учреждение в Евпатории музея для хранения античных находок».8 Результаты исследований, полученные Л. А. Моисеевым в первый раскопный сезон, начавшийся в январе 1917 г., позволили ему локализовать Керкинитиду на территории старого Евпаторийского карантина.9

Обилие памятников в Крыму создавало немало проблем с обеспечением их сохранности. По законам Российской империи охрана древностей входила в компетенцию МВД, а также Министерства императорского Двора в лице учрежденной в 1859 г. Археологической комиссии.10 Синод курировал культовые постройки, Академия художеств осуществляла контроль за реставрацией памятников архитектуры. Особенность законодательства состояла в том, что его юрисдикции подлежали лишь памятники, расположенные на государственных, городских и общинных землях. В начале XX в. назрела необходимость пересмотра действовавших законов, касающихся сохранения историко-культурного наследия, в сторону повышения их эффективности. Разработанное в 1910 г. особой комиссией МВД «Положение об охране древностей», поступившее в Государственную Думу, так и не увидело свет, «увязнув» в ее комиссиях.11 Отсутствие действенного законодательства, создававшего бы правовую основу для функционирования специального государственного органа, ведавшего охраной памятников не только в центре, но и на местах, а также надлежащего контроля за соблюдением уже принятых законов со стороны администрации Таврической губернии приводили к утратам культурных ценностей. Потери реликвий прошлого могли быть еще более значительными, если бы в их сбережении не принимали участие такие общественные организации, как Одесское общество истории и древностей (ООИД), ТУАК, ЯОККГК, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы (КОЕЛП). В 1916 г. в среде художников, архитекторов, любителей искусства Бахчисарая возникла идея создания общественной организации, заинтересованной в сохранении местных архитектурных и исторических памятников. 31 марта 1916 г. совет общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, находившегося в Петрограде, уведомил художника У. А. Боданского о согласии на открытие Бахчисарайского отдела.12 5 июля 1916 г. его учредители подали таврическому губернатору Н. А. Княжевичу заявление с просьбой о регистрации. В нем были определены основные направления предполагаемой деятельности, а именно: «...1) регистрация и изучение всех без исключения памятников архитектуры, скульптуры и художественной промышленности, 2) устройство в г. Бахчисарае художественно-исторического музея., 3) изыскание средств для поддержания архитектурных памятников».13

Наряду с памятниками составной частью культурного достояния Крыма являлись Керченский, Феодосийский, Херсонесский музеи древностей; музеи, учрежденные ТУАК, ЯОККГК, галерея И. К. Айвазовского, панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.»

В начале XX в. благодаря стараниям городского полицмейстера А. Г. Иваненко, академиков Н. П. Кондакова и Г. И. Котова небольшое собрание памятников татарского быта и восточного искусства образовалось в Бахчисарайском дворце.

Помимо государственных и общественных собраний существовали частные коллекции исторических и художественных ценностей. Скульптура, живопись, предметы декоративно-прикладного искусства украшали интерьеры южнобережных дворцов аристократии. Особо следует отметить музей, находившийся в имении Ай-Тодор вел. кн. А. М. Романова. В нем были представлены скульптурные и рельефные изображения богов, жертвенники, керамика, светильники, монеты, украшения, найденные в результате раскопок римского укрепления Харакс I–III вв. н. э.14 Богатейшее собрание произведений искусства, предметов древности находилось в имении «Новый Свет» Л. С. Голицына, посвятившего свою жизнь развитию отечественного виноделия.15 Высоко котиновалась коллекция древностей А. Л. Вертье-Делагарда.16 Она делилась на три части. Первую, нумизматическую, составили боспорские и херсонесские монеты, во вторую вошли античные, готские и

византийские ювелирные изделия, к третьей относились предметы крымскотатарского быта: одежда, оружие, домашняя утварь.

Таким образом, накануне февральской революции 1917 г. на территории Крыма были сосредоточены уникальные культурные ценности, представленные памятниками археологии, архитектуры, истории, искусства, государственными и общественными музеями, частными коллекциями. Большая часть памятников располагалась на частной земле и находилась в полной зависимости от прихотей ее собственников. Попытка разработки нового законодательства об охране историко-культурного наследия, предпринятая в начале XX в., не увенчалась успехом. Отсутствие централизованной системы государственных специализированных органов охраны памятников порождало немало проблем, связанных с обеспечением сохранности культурных ценностей. Посильное участие в их решении принимали общественные организации.

После свержения самодержавия кардинальных изменений в системе органов государственной власти не произошло. Структура Временного правительства, образованного 1 марта 1917 г., мало чем отличалась от царского Совета Министров; губернаторов на местах сменили со сходными функциями комиссары. Новацией стало лишь параллельное существование с органами Временного правительства советов разных уровней. В бывшее Министерство императорского Двора, ведавшего царскими дворцами, Эрмитажем, Русским, Керченским и Херсонесским музеями, был назначен комиссар Временного правительства. 14 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление об учреждении в составе Министерства земледелия особого отдела для управления бывшими удельными именьями. В Крыму были национализированы вместе с дворцовыми постройками и находившимся в них имуществом царские дачи «Ай-Даниль», «Курпаты», «Кучук-Ламбат», «Ливадия», «Массандра», «Новый Свет», «Ореанда», «Чукурлар».17

Изменение хода общественного развития в России пагубно отразилось на состоянии ее культуры. Если столичные научные учреждения еще как-то функционировали, то положение провинциальных, лишенных финансирования из центра, стало совсем критическим. Вот почему в это время широкое распространение получает идея консолидации интеллектуальных сил. 8 марта 1917 г. Московское археологическое общество выступило с призывом ко всем учреждениям и просвещенным людям России «соединиться во всех городах... в одно целое общество с обязанностью избрать из своей среды представителей и настаивать на их... участии в комитете общественных организаций, дабы дать таким образом культурному элементу возможность защищать и спасать памятники прошлого...».18 26 мая 1917 г. на чрезвычайной сессии Таврического губернского земского собрания гласный С. С. Крым внес предложение об объединении деятельности и взаимной поддержке всех местных научных учреждений.19 25-26 июля 1917 г. состоялось организационное собрание комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии. Съезд принял положение о комитете, определившее основные задачи: а) обсуждение деятельности и нужд научных учреждений и обществ для согласования и наилучшего направления их работы в интересах науки и на пользу края; б) сближение между собою лиц, занимающихся изучением Таврической губернии; в) содействие систематической направленности научных исследований; г) оказание моральной и материальной поддержки ученым изысканиям, сбору научных материалов, изданию научных трудов, устройству музеев, библиотек и выставок, забота об охране памятников старины и природы.20 Председателем исполнительного бюро комитета был избран заведующий помологической станцией «Салгирка» С. А. Мокржецкий. Из учреждений, занимавшихся охраной памятников, в ассоциацию вошли ТУАК, КОЕЛП, ЯОККГК, Керченский, Феодосийский, Херсонесский музеи древностей.

Ни Временное правительство, ни его органы на местах не смогли воспрепятствовать разгулу анархии в стране, от которого в первую очередь пострадали культурные ценности. В мае 1917 г. подверглись разграблению дворцовые ансамбли в Царском селе, Павловске, Ораниенбауме. Повсеместно крушились памятники представителям павшей династии. Направленные 3 июня 1917 г. из Севастополя в Бахчисарай для поимки дезертиров матросы разрушили памятник 300-летию Дома Романовых.21 22 июня 1917 г. в Феодосии была снята с пьедестала

скульптура Александра III.22 В с. Саки Евпаторийского уезда уничтожен памятник Александру II.23

Участившиеся случаи вандализма по отношению к культурному наследию побудили правительство под давлением общественности принять ряд мер, главным образом административного характера, по их пресечению. Циркуляром № 56 от 10 июля 1917 г. МВД поставило в известность таврического губернского комиссара Н. Н. Богданова о том, что все предметы, имеющие художественное или историко-археологическое значение, подлежат сдаче в местную архивную комиссию.24 В циркуляре № 61 от 5 августа 1917 г. того же ведомства предлагалось с помощью губернской ученой архивной комиссии провести регистрацию культурных ценностей в правительственных и общественных учреждениях.25 Тем не менее власть оказалась неспособной защитить культурное наследие страны, что нашло подтверждение в циркуляре комиссара Временного правительства над бывшим Министерством Двора Ф. А. Головина от 16 сентября 1917 г., адресованном губернским ученым архивным комиссиям. В нем констатировалось: «В связи с переживаемыми событиями участились повсеместно в России случаи посягательства на памятники, имеющие историческое и художественное значение, подвергаются порче и расхищаются исторические ценности из дворцовых, правительственных и общественных зданий, также церквей, занимаются различными самочинными организациями постройки, имеющие историческое и художественное значение; в связи с возникающими нуждами в помещениях предпринимаются переделка или перестройка зданий, искажается навсегда их художественный облик...»26

На фоне этой общей удручающей картины в Крыму имелись и положительные примеры отношения к культурному наследию прошлого. Несмотря на все трудности продолжилось археологическое изучение памятников. Проводившиеся в течение 1917 г. раскопки Керкинитиды позволили в общем определить границы городища, его ориентацию, направление улиц и оборонительных стен.27 Заведующий музеем ЯОККГК А. С. Моисеев обследовал стоянки первобытного человека на яйле горы Ай-Петри и у дер. Лимены Ялтинского уезда. На открытых пяти стоянках было собрано около 500 кремневидных орудий и более 11000 осколков кремня.28

Официальный статус национального музея приобрел Бахчисарайский ханский дворец. Приказом от 4 октября 1917 г. таврический губернский комиссар Н. Н. Богданов назначил его заведующим художника У. А. Боданинского, специализировавшегося на изучении крымскотатарского искусства.29 В музейный совет вошли представители от Бахчисарайского отдела общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Со дня учреждения музея начался сбор предметов, имевших отношение к прошлой и современной жизни крымских татар. За короткий срок благодаря пожертвованиям местного населения и антикваров музейный фонд увеличился до 1000 экспонатов.30 С целью повышения доходности учреждения совет установил плату за осмотр музея. Проводился ремонт ветхих стен и кровель зданий, составлявших дворцовый комплекс. Уцелевшие от разрушительного воздействия времени архитектурные и исторические памятники Бахчисарая полностью перешли на попечение дирекции музея.

25 октября 1917 г. в Петрограде совершилась пролетарская революция. Острая борьба различных политических сил в Крыму завершилась установлением в январе 1918 г. советской власти. 22 марта 1918 г. Таврический ЦИК объявил территорию Крымского полуострова Социалистической Советской Республикой Таврида и образовал Совет народных комиссаров. Новая власть в обстановке начавшейся гражданской войны, нависшей над Крымом угрозы военной интервенции со стороны кайзеровской Германии, экономического хаоса приступила к социалистическим преобразованиям. Ее опорой при проведении мероприятий в сфере культурного строительства, в том числе и в организации охраны памятников, стали функционировавшие на полуострове общественные организации. 3–5 января 1918 г. в Симферополе проходил третий съезд комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии, поддержавший идею «признать государственной собственностью места, в которых находятся памятники древности и старины, городища, курганы, пещерные города, а равно находящиеся в недрах земли предметы древности».31 Таврический ЦИК поручил

председателю исполнительного бюро комитета С. А. Мокржецкому организацию защиты научных учреждений, памятников природы, искусства и старины от расхищения.³² Основной общественной организацией, активно выступавшей за сохранение культурного наследия, оставалась ТУАК, хотя и понесшая ощутимые потери в личном составе в период революционного лихолетья. Деятельность ТУАК также значительно осложнил разрыв связей с научными учреждениями, находившимися за пределами Таврической губернии. Достаточно отметить, что единственным документом, полученным ТУАК за весь 1918 г., было отношение Археологической комиссии от 2 марта, призывавшее деятелей в области изучения памятников прошлого «в настоящий тяжелый момент... быть на своих местах и напрячь все силы, чтобы охранять достояние народа в виде оставшихся от прежних времен памятников жизни и искусства».³³

Лишившись финансовой поддержки центральных учреждений, в трудное положение попали крымские музеи. В феврале 1918 г. прекратилось финансирование музея в Мелек-Чесменском кургане, до революции содержавшегося на средства МВД.³⁴ 15 марта 1918 г. Керченский музей древностей получил телеграмму из Петрограда от Археологической комиссии с извещением о том, что денежные переводы не принимаются, и предложением просить временно заимообразно средства у местных властей.³⁵ Однако возможности местных органов власти и городского самоуправления были ограничены. Так, из 2500 рублей, необходимых в 1918 г. музею ЯОККГК на пополнение фондов, научно-исследовательскую и экскурсионную работу, Ялтинская городская дума смогла ассигновать только 1000 рублей.³⁶

Особую актуальность приобрела проблема обеспечения сохранности культурных ценностей, сосредоточенных в частных имениях. Революция, всколыхнувшая различные слои населения, породила такие побочные явления, как анархию, разбой, грабежи. Слишком велик был соблазн у люмпенизированного элемента, используя лозунг классовой борьбы с эксплуататорами, поживиться принадлежавшим им имуществом. В это время высокую сознательность проявили сельскохозяйственные рабочие некоторых бывших помещичьих имений в Ялтинском уезде. В конце октября 1918 г. рабочий комитет взял на себя управление имением Раевских «Партенит». В декабре 1917 г. собрание рабочих имений «Массандра» и «Ореанда», принимая во внимание, что «охрана предприятий слаба, нет гарантий сохранности дворцов и парков..., вынесло резолюцию о захвате управления в свои руки».³⁸ В начале января 1918 г. по инициативе члена ТУАК В. Д. Геймана Феодосийский военно-революционный комитет принял меры по охране от разгрома имения Шейх-Мамай наследников И. К. Айвазовского Лампси, где находились мастерская, картины, вещи знаменитого художника, а также имения ботаника А. Юнга в Коктебеле.³⁹

На крупные помещичьи имения большевистская власть смотрела прежде всего как на объекты для организации коллективного сельскохозяйственного производства и сразу же приступила к их национализации. В феврале 1918 г. в ведение управления национальными имениями Крыма перешло со всеми угодьями, постройками, движимым имуществом около 60 поместий, в том числе «Алупка» Е. А. Воронцовой-Дашковой, «Гаспра» С. В. Паниной, «Карасан» Раевских, «Кичкине» вел. кн. Д. К. Романова, «Мисхор» О. П. Долгорукой и другие.⁴⁰ Вместе с тем признавалась их ценность как памятников культуры общегосударственного значения, подлежащих охране. Распоряжением комиссара народного просвещения Ялтинского уезда Е. Кириако от 25 марта 1918 г. Алуштинскому, Алушкинскому, всем волостным советам предписывалось создать культурно-просветительно-агитационные комитеты, которые должны были до конца мая произвести регистрацию всех книг, рукописей, а также произведений искусства... во всех усадьбах и дворцах национальных и упраздненных частновладельческих имений.⁴¹ Однако объявление о национализации имений еще не гарантировало неприкосновенность культурных ценностей, что нашло подтверждение в циркуляре наркома внутренних дел Социалистической Советской Республики Тавриды С. П. Новосельского от 8 апреля 1918 г. следующего содержания: «Из различных мест... поступают сведения о том, что из пустующих домов и дач за отсутствием надлежащего надзора расхищается различное домашнее имущество. Признавая вообще подобного рода положение дел недопустимым..., прошу совдепы о принятии срочных

мер к приостановлению таких хищений».42 17 апреля Ялтинский уездный совет получил указание наркомата внутренних дел «принять самые энергичные меры к охране от разгрома библиотеки известного ученого А. Л. Бертье-Делагарда, его собрания карт историко-географических и рисунков, касающихся Крыма».43

К 1 мая 1918 г. Крым оказался полностью оккупирован немецкими войсками, Социалистическая Советская Республика Таврида прекратила свое существование.

Таким образом, в первый период установления советской власти в Крыму (январь-апрель 1918 г.) большевики в сотрудничестве с общественными организациями предприняли ряд мер по обеспечению сохранности культурного наследия прошлого. Назначение уполномоченного по защите научных учреждений и памятников стало первым шагом на пути формирования государственного органа охраны культурных ценностей. Вследствие начавшейся гражданской войны, разрушившей связи Крыма с центром, на грань выживания были поставлены музеи, находившиеся на государственном бюджете. Финансовые возможности местных органов власти не позволили обеспечить их деятельность в полном объеме. Основное внимание уделялось сбережению исторических и художественных ценностей, сосредоточенных в частных имениях путем проведения их национализации с предполагаемой дальнейшей регистрацией, прерванной из-за немецкой оккупации Крыма.

25 июня 1918 г. в Крыму завершился растянувшийся почти на два месяца процесс становления новых органов власти. С благословения германского командования начало функционировать Крымское краевое правительство во главе с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем. Хотя в опубликованной Декларации «К населению Крыма», ставшей манифестом действий кабинета, ничего не говорилось об отношении к историко-культурному наследию, тем не менее, ему пришлось столкнуться и с проблемами охраны памятников. Ощутимый урон памятникам археологии наносили достигшие с весны 1918 г. небывалого прежде размаха грабительские раскопки в Керчи и окрестностях. В отношении заведующего Керченским музеем древностей В. В. Шкорпила, направленном 17 мая 1918 г. в городское общественное управление, отмечалось: «...Древние некрополи на Глинице и на южном склоне Митридатовой горы подвергаются самому наглому разграблению... 3-го сего мая производились незаконные археологические раскопки среди белого дня при стечении многочисленной публики на южном склоне г. Митридат 23 лицами, большинство которых давно известно своей склонностью обогатиться дешевым образом. Так как мне 16 мая было отказано комендантом Керчи в разрешении возвратить моему надсмотрщику и сторожам оружие, столь необходимое для защиты от толпы обнаглевших счастливых», то я обращаюсь к городскому управлению с... просьбой принять самому меры для пресечения вышеизложенного зла...» 44

По иному, нежели в Керчи, обстояло дело с сохранностью древностей в юго-западном Крыму. Прежде всего было обеспечено финансирование археологических изысканий. 13 мая 1918 г. Совет представителей правительственных и общественных губернских учреждений и местных самоуправлений принял постановление об открытии кредита в 1000 рублей на продолжение исследований Керкинитиды.45 19 октября 1918 г. Совет министров выделил еще 10000 рублей на содержание музея и раскопок в Херсонесе и Евпатории.46 МВД предотвратило попытку поселения команды бойскаутов на территории Евпаторийского карантина, где проводились археологические раскопки.47 6 ноября 1918 г. оно обязало начальника Евпаторийского уезда принять меры по охране древней городской стены с двумя башнями возле евпаторийского Приморского санатория.48

Занимаясь вопросами охраны памятников в отдельном регионе полуострова, Краевое правительство не смогло их решить в масштабе всего Крыма, хотя возможность такая была. 16 июня 1918 г. директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев представил премьер-министру М. А. Сулькевичу докладную записку, в которой обосновал необходимость образования Главного управления музеев, раскопок и охраны памятников искусства и старины Тавриды, «которое, приняв на себя все функции центральной власти, озаботилось бы, с одной стороны, сохранением уже имеющихся учреждений по охране памятников, с другой, — подготовило бы

возможность создания таких новых учреждений, как: 1. Историко–археологический институт для всестороннего научного исследования Крыма. 2. Центральный археологический музей Тавриды, куда должны быть возвращены из музеев Петрограда и Москвы все вещи, найденные в пределах Крыма».49 Важнейшей функцией управления должна была стать разработка законопроекта об охране памятников. 6 июля 1918 г. Л. А. Моисеев передал в канцелярию М. А. Сулькевича проект положения о Главном управлении музеев, раскопок и охраны памятников искусства и старины Тавриды и временную смету расходов.50 Более четырех месяцев эти материалы находились на предварительном рассмотрении в министерстве народного просвещения. 26 октября 1918 г. из министерства путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфов на имя председателя ТУАК А. И. Маркевича поступило уведомление о том, что в ближайшем будущем предполагается внести в Совет министров доклад об образовании особого ведомства Крымского краевого правительства, которое должно взять на себя высшее руководство делом охраны памятников искусства и старины в Крыму».51 В нем содержалась просьба сообщить мнение комиссии относительно целесообразности его учреждения. Последовавшая в ноябре 1918 г. очередная «правительственная пересменка» отложила решение данного вопроса.

Трудные времена наступили для местных музеев. Особенность переживаемого момента заключалась в том, что Археологическая комиссия, курировавшая Керченский и Херсонесский музеи древностей, находилась в Петрограде, в Советской России, а они – на территории, где утвердилась антибольшевистская власть. Само собою разумеется, что ни о каких взаимоотношениях между ними не могло быть и речи. Прекратилось поступление средств, на которые содержались музеи. 21 августа 1918 г. В. В. Шкорпил обратился в Совет министров с просьбой «дать... указания, каково должно быть положение Керченского музея при новом порядке вещей» и «распорядиться, чтобы из Керченского казначейства выдавалось жалование для служащих музея».52 Определение статуса Керченского музея, по-видимому, затянулось, что вынудило ТУАК и комитет объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии в лице состоявшегося в октябре 1918 г. четвертого съезда, ходатайствовать перед правительством о передаче его в ведение министерства народного просвещения.53 Предоставленные самим себе музейные учреждения смогли все же выжить в этой сложной ситуации. Музей ЯОККГК даже несколько активизировал свою работу. В течение лета 1918 г. его заведующий А. С. Моисеев продолжил обследование открытых и пещерных стоянок на Долгоруковской и Никитской яйлах, Бабугане, Демерджи, Караби, Чатырдаге.54 Петрограф Д. И. Щербаков собрал для музея коллекции горных пород и минералов Южного берега Крыма.55 Прежнее музейное помещение в здании ЯОККГК уже оказалось тесным для размещения всех экспонатов. В октябре 1918 г. Краевое правительство передало музею бывшие казармы Виленского полка в Ливадии.56 Музей превратился в самостоятельное учреждение, получив наименование Ялтинский естественно–исторический.57 Придя к власти, правительство М. А. Сулькевича сразу же заявило об отмене всех большевистских декретов, в том числе и касающихся национализации. Частные имения возвращались прежним владельцам. В ведении управления национальными имениями остались лишь бывшие удельные владения, признанные по Декларации государственной собственностью Крыма, что давало право распоряжаться находившимся в них имуществом. Продолжалось начатое при большевиках изъятие мебели из имения Ливадия для нужд как гражданских, так и военных учреждений. Часть обстановки Министерского и Свитского корпусов Ливадийского дворца использовалась для меблирования помещений дома Совета министров (бывшего губернаторского), Таврического университета, открытого в 1918 г., казенной квартиры М. А. Сулькевича в Симферополе, германской комендатуры и клуба немецких офицеров в Ялте.58 Причем «истинные хозяева» Крыма, немецкие оккупанты, изымали имущество, представлявшее историческую и художественную ценность. 30 июня 1918 г. явившийся в имение «Ливадия» вахмейстр Водрих приказал сопровождавшим его солдатам вынести и погрузить на автомобиль мебель из парадного кабинета бывшего императора Николая II и некоторые вещи, составлявшие личную собственность бывшей императрицы Александры Федоровны.59 В ответ на протест заведующего дворцом Б. Б.

Рудзинского он заявил, что ему поручено взять обстановку, которую сочтет подходящей. Среди вывезенных вещей оказались диван, кресла, стулья, столы, комод, вазы фарфоровые из яшмы, 7 персидских ковров, картины, в том числе две кисти И. К. Айвазовского. Значительная часть изъятого имущества была вывезена при отступлении интервентов из Крыма в ноябре 1918 г. В оставленной командующим немецкими войсками генералом Кошем резиденции на фабрике Эйнем в Симферополе отсутствовали ореховый письменный стол, гардеробный шкаф, 4 кресла, ковер, принадлежавшие имению «Ливадия».61 Материально пострадал и Бахчисарайский дворец, где с мая по август 1918 г. размещался штаб 7-го немецкого егерского полка.

Проследовавшие через Бахчисарай немецкие воинские части изъяли разного рода дворцового имущества на сумму в 2785 рублей.62

Поражение Германии в первой мировой войне привело к окончанию немецкой оккупации Крыма. Лишившись поддержки своих иностранных покровителей, пало первое Краевое правительство. За время нахождения у власти (июнь–ноябрь 1918 г.) ему так и не удалось выработать определенной политики по отношению к культурному наследию прошлого. Проникнувшись идеей о необходимости создания в Крыму государственного органа охраны памятников, оно тем не менее не смогло ее реализовать. Функционирование музеев обеспечивалось лишь за счет скудных местных бюджетов. Правительство не сумело предотвратить разграбление немецкими оккупантами богатств Крыма. Вывозилось не только промышленное оборудование, продовольствие, но и культурные ценности.

15 ноября 1918 г. кабинет М. А. Сулькевича передал свои полномочия второму Краевому правительству во главе с С. С. Крымом. Новому правительству досталось в наследство от предыдущего немало проблем, в том числе связанных с сохранением культурных ценностей. Их решение полностью зависело от состояния краевого бюджета, наполняемость которого в условиях кризиса, поразившего экономику Крыма, оставляло желать лучшего. Кроме того, огромные средства приходилось тратить на содержание частей Добровольческой армии, занявших вместе с экспедиционным корпусом стран Антанты полуостров, оставленный немецкими войсками. Вследствие этого сфера культуры финансировалась по остаточному принципу. В частности Совет министров распорядился выделить 3000 рублей на выплату жалования сторожу при древнем пещерном храме в Инкермане и 2400 рублей на расходы по наблюдению за памятниками Исторического бульвара в Севастополе.63 Общественность Крыма настойчиво обращала внимание правительства на необходимость принятия мер по поддержанию древностей. «Доклады местного характера по регистрации, описанию и изучению памятников природы и старины, подлежащих охране» обсуждались на пятом съезде комитета объединенных научных обществ и учреждений Таврической губернии, проходившем 14–16 января 1919 г. в Севастополе.64 ТУАК неоднократно ходатайствовала о ремонте пришедшей в ветхость из-за бурь и дождей гегуэзской башни св. Константина в Феодосии.65 Ремонт, требовавший всего несколько сотен рублей, так и не был произведен.

Финансовые затруднения правительства отразились на состоянии музеев. В 1918 г. в ведение дирекции Керченского музея перешел музей в Мелек-Чесменском кургане.66 18 января 1919 г. МВД уведомило Керчь–Еникальскую городскую управу о том, что «содержание Керченского музея древностей на средства краевой казны является обременительным, тем более, что учреждение это обслуживает не только местные крымские интересы, но имеет общегосударственное значение».67 Городским властям предлагалось принять на себя расходы по его содержанию. Без поддержки со стороны правительства остался Бахчисарайский дворец–музей, смета расходов которого на 1919 г. составляла 19400 рублей. Только лишь за счет средств, отпускаемых Крымско–татарской национальной директорией, частных пожертвований приобретались предметы искусства и была учреждена библиотека–архив для хранения образцов древней татарской литературы, рукописей, документов. Кабинет С. С. Крыма пытался облегчить участь Херсонесского музея. 6 февраля 1919 г. министр народного просвещения С. А. Никонов обратился в бюджетную комиссию при министерстве финансов с просьбой «в виду тяжелого материального положения, в

котором находятся... музей и раскопки Херсонеса и Евпатории», разрешить вопрос о выдаче взаимобразно пособия на 1919 г. в размере 29200 рублей из средств краевой казны.⁶⁹

Провозгласив в декларации от 14 ноября 1918 г. стремление к возрождению единой России как свободного демократического государства, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей его населяющих, второе Крымское краевое правительство на деле демонстрировало полное безразличие к судьбе памятников и музеев, составлявших неотъемлемый элемент той самой культуры.

В конце апреля 1919 г. в результате наступления частей Красной Армии на территории Крыма, за исключением Керченского полуострова, вторично утвердился большевистский режим, продержавшийся 75 дней. 2 мая 1919 г. оформился Совет народных комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики (КССР). На местном уровне власть сосредоточили в своих руках военно-революционные комитеты. Культурным строительством в Крыму руководил наркомат просвещения. К тому времени в РСФСР, составной частью которой стала провозглашенная КССР, уже действовали декреты «О национализации Третьяковской галереи» (3 июня 1918 г.), «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» (19 сентября 1918 г.), «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (5 октября 1918 г.),⁷⁰ определившие политику советского государства по отношению к историко-культурному наследию. Эти и другие законодательные акты послужили для большевистского правительства Крыма руководством к действию. 1 мая 1919 г. во исполнение ленинского декрета «О памятниках республики» в Симферополе демонтировали монумент Екатерины II.⁷¹ Фигуры императрицы, Г. А. Потемкина, В. М. Долгорукова, бюсты А. В. Суворова, Я. И. Булгакова были брошены во дворе духовной семинарии, подвергались порче от сырости и невежественного с ними обращения за отсутствием надзора.⁷² Пострадал также Долгоруковский обелиск, лишившись мраморных барельефов.⁷³

Агитационной комиссией прифронтовой полосы было выделено 10000 рублей «для объезда культурных центров Крыма в целях обеспечения их от расхищения достаточной охраной».⁷⁴ 4 мая 1919 г. Симферопольский военно-революционный комитет принял постановление об объявлении дома писателя А. П. Чехова в Ялте национальным достоянием.⁷⁵ Прифронтовое положение республики вынуждало правительство прежде всего заниматься укреплением обороноспособности. Казармы, в которых размещался Ялтинский естественноисторический музей, были реквизированы для военных нужд. Хозяйственный комитет Ялтинской мужской гимназии предоставил музею во временное пользование помещение своего пансиона из пяти залов и шести комнат. СНК КССР выделил на обустройство на новом месте и поддержание деятельности музея 20 тысяч рублей».⁷⁶ Одним из источников поступления средств в бюджет явилась наложенная на буржуазию контрибуция. Широкое распространение получили реквизиции имущества, среди которого встречалось немало раритетов. В Евпатории местом концентрации изъятых у буржуазии предметов искусства и археологических находок из Керкинитиды стал учрежденный ревкомом дворец науки.⁷⁷ Однако часть культурных ценностей не попала в музейные фонды, оказавшись попросту расхищенной. Так, например, 9 мая 1919 г. при проведении по ордеру Крым ЧК обыска у проживавшего в Симферополе отставного генерал-майора А. М. Чайковского вместе с драгоценностями была конфискована семейная историческая реликвия — сабля, принадлежавшая гетману Украины И. Бржозевскому, впоследствии бесследно исчезнувшая.⁷⁸

При осуществлении повторной национализации югобережных имений особую озабоченность вызывала судьба находившихся там художественных ценностей. Постановлением Симферопольского военно-революционного комитета от 20 апреля 1919 г. создается комиссариат национальных имений в Крыму.⁷⁹ Ревкомам Крыма предписывалось «немедленно принять меры для охраны курортов, оставленных имений и имущества.»⁸⁰ В приказе № 1, подписанном 23 апреля 1919 г. управляющим национальными именьями А. Никифоровым, от рабочих и служащих требовалось

строжайшее исполнение распоряжений о сохранении культурных ценностей, парков, садов.⁸¹ 19 мая 1919 г. для предотвращения случаев расхищения и порчи имущества в национализированных имениях была образована особая комиссия.⁸² В нее вошли представители от комиссариатов национальных имений, здравоохранения, просвещения, комиссии по охране памятников, союза художников, местных ревкомов. Им предстояло произвести опись имущества имений и организовать его перемещение в подведомственные учреждения. Для надобностей комиссии по охране памятников были переданы дворцы «Сельбиляр» М. В. Барятинской и Алушкинский Е. А. Воронцовой-Дашковой.⁸³ Наркомат просвещения командировал в Ялтинский уезд в качестве своего уполномоченного по сбору культурных ценностей поэта и художника М. А. Волошина. 6 июня 1919 г. он присутствовал на заседании правления ЯОККГК, на котором предложил сотрудникам Ялтинского естественного исторического музея принять участие в этой работе. Правление, хотя и не поддержало его предложение, тем не менее постановило: «Вещи, поступившие в музей от отдела просвещения, представляющие культурную ценность, принять на хранение с правом пользования».⁸⁴ Самым значительным приобретением Ялтинского музея того времени явилась принадлежавшая вел. кн. А. М. Романову археологическая коллекция из 2000 предметов, перевезенная из имения Ай-Тодор.⁸⁵ 12 июня 1919 г. на полуострове возобновились военные действия. Под натиском десанта деникинцев части Красной Армии покинули Крым. 26 июня 1919 г. СССР пала.

Итак, классовый подход, в целом характерный для политики правительства СССР, нашел свое проявление и в отношении к культурному наследию прошлого. Его жертвами стали памятники государственным и военным деятелям царской России, воздвигнутые в Симферополе, причем в расчет бралось исключительно социальное происхождение увековеченных в монументальном искусстве, а не их заслуги перед Отечеством. Национализация культурных ценностей, сосредоточенных в частных имениях, многие из которых покинули владельцы, спасаясь от ужаса революционных потрясений, являлась единственным способом обеспечить их сохранность в тех условиях и позволила пополнить уже существующие музейные фонды, а также увеличить их количество.

22 июня 1919 г. населению Крыма было объявлено о восстановлении Таврической губернии в прежних пределах и переходе ее под управление Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР) генерала А. И. Деникина. Первоначально гражданскими делами на территориях, подконтрольных ВСЮР, занималось созданное при Главнокомандующем Особое совещание, руководившее работой различных отраслевых ведомств. Вопросы сбережения культурных ценностей находились в компетенции разряда охраны памятников искусства и культуры части изящных искусств и древностей управления народного просвещения. В октябре 1919 г. управление народного просвещения разослало попечителям и инспекторам учебных округов циркуляр, в котором излагались рекомендации по спасению реликвий. Прежде всего, предлагалось составить точные сведения о всех вновь образованных советских музейных фондах искусства и древностей, включавших коллекции, принадлежавшие ранее монастырям, усадьбам, частным лицам, а также о разрушенных или пострадавших от волнений дворцах, часовнях, монументах. Циркуляр содержал призыв «привлечь и заинтересовать лучшие народные силы в лице местных людей и представителей культурно-просветительных организаций к охранению и собиранию расхищенных произведений искусства».⁸⁶

Признавая необходимость оберегать бесценные сокровища прошлого, власти на местах мало что делали практически. 26 июля 1919 г. директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев обратился в управление внутренних дел при Особом совещании с просьбой предоставить Херсонесской дирекции раскопок функции Археологической комиссии, определив местом ее пребывания Севастополь.⁸⁷ Иной точки зрения придерживался таврический губернатор Н. А. Татищев, направивший 17 октября 1919 г. свои соображения на этот счет начальнику управления внутренних дел В. Носовичу. В частности, он писал: «Принимая во внимание, что лица, заведующие раскопками в Херсонесе и Керчи, постоянно заняты обширной работой на местах, я полагаю нежелательным в интересах дела передать одному из них охрану древностей

на всем пространстве Таврической губернии. По моему мнению, целесообразно учреждение в Симферополе особого коллегиального органа под председательством таврического губернатора в составе: 1) представителя Таврического университета, 2) членов Археологической комиссии, заведующих раскопками в Херсонесе и Керчи, 3) представителя ТУАК. Эту комиссию в случае надобности можно было бы пополнить представителем Одесского общества истории и древностей и компетентным лицом, которое ведало бы охраной курганов и городищ в северных уездах губернии». ⁸⁸ Если сравнивать эти два проекта, то, несомненно, второй выглядел гораздо предпочтительней. С одной стороны, он учитывал специфику губернии, заключающуюся в многообразии находящихся на ее территории остатков древностей, изучение которых вряд ли могло оказаться по силам одному музею, где квалифицированным специалистом являлся лишь директор, а остальные служащие выполняли техническую работу. С другой стороны, он предполагал координацию действий различных учреждений, занимавшихся исследованием и охраной памятников. В результате все закончилось тем, что ни один из проектов при А. И. Деникине так и не был реализован. Более того, Л. А. Моисеев, назначивший сам себя председателем Археологической комиссии, приказом № 402 от 29 ноября 1919 г. по управлению народного просвещения при Особом совещании лишился этого звания. ⁸⁹ Только после прихода к власти в Крыму П. Н. Врангеля, сменившего 22 марта 1920 г. А. И. Деникина на посту Главнокомандующего ВСЮР, ему удалось добиться желаемых полномочий, впрочем, для пользования которыми оставалось мало времени.

В отличие от властных структур общественность Крыма проявляла гораздо больше заинтересованности в сохранении культурного наследия. ТУАК взяла на себя заботу по восстановлению монумента Екатерине II в Симферополе. 4000 рублей на ремонт памятника перечислило Симферопольское городское управление, 1000 рублей – Таврическое дворянское депутатское собрание, 1860 рублей поступило от частных лиц. ⁹⁰ К 1 декабря 1919 г. восстановительные работы под руководством губернского инженера И. В. Ларионова были завершены. ТУАК ходатайствовала перед Таврическим губернским управлением о ремонте башни св. Константина и охране могилы героя русско-иранской войны 1804–1813 гг. генерала П. С. Котляревского в Феодосии, о реставрации стен и башен Судакской крепости, мечети в дер. Колечь–Мечеть Феодосийского уезда. ⁹¹ Усилия ТУАК по сохранению культурного наследия прошлого получили поддержку Таврического университета. В то время в вузе работали многие выдающиеся ученые. Они прекрасно понимали, какое значение имеют исторические и художественные ценности и принимали посильное участие в судьбе культурно-просветительных учреждений Крыма. 22 сентября 1919 г. в ведение временной комиссии о вакуфах в Крыму перешел Бахчисарайский дворец-музей. ⁹²

21 октября 1919 г. по инициативе Таврического университета и ТУАК состоялось совещание, обсудившее вопросы охраны и изучения архитектурных памятников Бахчисарая. Его участники признали необходимым создание компетентного органа, которому должно быть поручено «заведование художественно-исторической стариной и управление Бахчисарайским дворцом». ⁹³ Таким органом, по их мнению, могла стать комиссия, образованная из представителей от МВД, Таврического университета, Таврического магометанского духовного правления, временной комиссии о вакуфах в Крыму, ТУАК, Бахчисарайского отдела общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В связи с ликвидацией Археологической комиссии, осуществлявшей квалифицированный надзор за реставрацией Бахчисарайского дворца, 31 декабря 1919 г. совет Таврического университета обратился к губернатору Н. А. Татищеву с предложением передать ему ее функции. Однако все это не имело практической реализации. Действия губернской администрации ограничились заменой заведующего Бахчисарайским музеем и составлением акта осмотра дворцовых помещений, определившего перечень неотложных ремонтных работ. Физико-математический факультет Таврического университета на собрании 12 ноября 1919 г. вынес решение принять в свое ведение Ялтинский естественноисторический музей, избрав его куратором профессора В. А. Обручева. ⁹⁴ ЯОККГК, оставшись без доходов из-за прекращения экскурсий, было не в состоянии его содержать. Мизерная субсидия, назначенная из городского бюджета, и средства,

вырученные от продажи земельного участка в дачной местности Исар, не покрывали музейных расходов. Музею, хранившему ботанические, зоологические, геологические, этнографические и археологические коллекции, угрожало полное закрытие. Педагогический совет гимназии, где он располагался, настаивал на освобождении арендуемых им помещений. Все экспонаты были втиснуты в один зал, и музей превратился в склад коллекций. Само собою разумеется, что ни о какой научной, а тем более экскурсионной работе не могло быть и речи, хотя комплектование фондов продолжалось. В музей поступили: коллекция оружия канцлера России А. И. Горчакова, проекты строительства Ливадийского дворца архитектора Н. П. Краснова, собрание карт А. Л. Бертье-Делагарда.⁹⁵ В докладной записке от 2 мая 1920 г., поданной на имя правителя Юга России П. Н. Врангеля, профессор В. А. Обручев и академик В. И. Вернадский, указывая на безвыходное положение музея, писали: «...В эпоху развала и разрушения России охрана всех уцелевших еще культурных очагов является особо важной задачей власти; уничтожение Ялтинского музея нанесет большой ущерб росту русской культуры в Крыму и просветительной работы в Ялте. Ввиду важности дела просим Вас обратить на него свое просвещенное внимание и сделать распоряжение о возврате музею отнятых у него помещений, а также об оказании ему необходимой материальной поддержки».⁹⁶ Столь же актуальной проблема размещения фондов оставалась и для музея ТУАК, который в 1919 г. «несмотря ... на крайнюю тесноту... посещался учащимися городских школ со своими учителями, студентами университета, профессорами и другими лицами в особо назначенное время».⁹⁷ По существу на одном энтузиазме работали и служащие Керченского музея древностей. Получая скудное жалованье, которого не хватало даже на пропитание, они не только охраняли уникальные памятники, но и проводили археологические раскопки, занимались составлением каталога музейных экспонатов.⁹⁸ В декабре 1919 г. в печати вышел «Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей», подготовленный его директором К. Э. Гриневицем.

Отмена большевистских декретов позволила прежним хозяевам вернуть национализированные у них усадьбы и уцелевшее реквизированное имущество. В условиях экономической разрухи, безудержного роста инфляции предметы старины и искусства являлись единственным источником существования их владельцев. Показательна в этом отношении судьба коллекции А. Л. Бертье-Делагарда. Собирая на протяжении многих лет раритеты, он предполагал впоследствии передать их какому-либо общественному музею. Лишение пенсии и доходов вынудило его в конце 1919 г. продать свое собрание.⁹⁹ Некоторые предметы из коллекции затем попали в Британский музей.

Явственно обозначившийся осенью 1920 г. провал внутренней политики П. И. Врангеля, усугубленный поражением русской армии в сражениях с войсками Южного фронта в Северной Таврии, ускорил агонию режима. Разуверившись в том, что через Крым начнется возрождение великой России, опасаясь красного террора, состоятельные слои населения спешно покидали полуостров. Брошенные особняки и поместья в очередной раз становятся объектами набегов грабителей. 1 ноября 1920 г. рабочие и служащие имения Воронцовых-Дашковых обратились во временный комитет общественной безопасности Алупки с просьбой ввиду отсутствия оружия и малочисленности личного состава оказать содействие в охране имущества, представляющего огромную ценность.¹⁰⁰ Через две недели в Крыму вновь утвердилась советская власть, которая окончательно распорядилась доставшимся культурным наследием прошлого. Таким образом, политика находившихся у власти в Крыму с марта 1917 г. по ноябрь 1920 г. режимов по отношению к историко-культурному наследию в основном ограничилась отдельными акциями, причем без особых ощутимых результатов. Да на них вряд ли приходилось рассчитывать, поскольку полуостров превратился в арену ожесточенной классово-политической борьбы. А когда решался вопрос о власти, все остальные, включая и вопросы развития культуры, как правило, отодвигались на задний план. Неоднократные попытки создания различными правительствами государственного органа охраны памятников заканчивались назначением номинальных уполномоченных, не успевавших воспользоваться предоставленными им правами. Хозяйственная разруха не позволяла профинансировать

даже самые ограниченные потребности культурно-просветительных учреждений. Музеи вынуждены были частично сворачивать свою деятельность, хотя комплектование фондов, исследования памятников, экскурсионная работа по мере возможности продолжались. Не обошлось и без потерь культурных ценностей: разрушались памятники, грабились дворянские усадьбы, вывозились за границу коллекции и отдельные предметы старины и искусства. Но даже в условиях гражданской войны передовая часть интеллигенции – преподаватели Таврического университета, члены ТУАК и других научных организаций, музейные работники пытались делать все возможное, чтобы свести это потери к минимуму.

1 Бычков Ю. А. В государственном масштабе. – М., 1970; Гарданов В. К., Кононов Ю. Ф. Музейное строительство в РСФСР (1917–1920 гг. // В.И. – 1955. – № 4. – С. 117–124; Гарданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917–1920) // История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. – М., 1957. – Вып. 1. – С. 7–57; Ионова О. В. Создание сети краеведческих музеев в РСФСР в первые 10 лет Советской власти // История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. – М., 1957. – Вып.1. – С. 37–72. Кончин Е. Эмиссары восемнадцатого года. – М., 1981.; Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1971–1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. – М., 1970. – Вып. 22; Разумов В. А. Богатства, возвращенные народу. – М., 1968.

2 Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920. – М., 1989.

3 Козлов В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму, 1917–1928 гг.: Автореф. канд. дис. – М., 1984.

4 Филимонов С. Б. Крым, 1917–1920 годы: Таврическая ученая архивная комиссия и памятники культуры // Крымский музей. – Симферополь. – 1995.– № 1.– С. 100–101.

5 Зарубин В. Г. Политика Крымских краевых правительств в отношении развития исторической науки, археологии, музейного дела и сферы охраны памятников // Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». Секция охраны памятников археологии. – Симферополь. – 1994. – С. 16–18; Зарубин А. Г. К вопросу о Крымском краевом правительстве М. А. Сулькевича (1918 г.) // Крымский музей. – Симферополь. – 1995. – № 1. – С. 54.

6 Маркевич А. И. К судьбам коллекции древности и старины А. Л. Бертье-Делагарда // ИТОИАЭ. – Симферополь. – 1928. – Т. II. – С. 144–145.

7 Государственный архив Автономной Республики Крым (ГА АРК). – ф. 681. – Оп. 2. – Д. 609. – Л. 128–133 об.

8 Там же. – ф. 42. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 217–218.

9 Моисеев Л. А. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТУАК. – Симферополь. – 1918. – № 54. – С. 252.

10 ГА АРК. – Р-999. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 9.

11 Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. – М., 1957. – С. 121.

12 ГА АРК.– Р-2235. – Оп. 1. – Д. 26 – Л 16.

13 Там же.

14 Ай-Тодор в эпоху римского владычества. // ИТУАК. – Симферополь. – 1911. – № 45. – С. 99; Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. – СПб. – Вып. 40. – С. 1–2.

15 ГА АРК. – Р-3814. – Оп. 1. – Д. 233. – Д. 1–150; Григорьева Н. Новосветское собрание живописи XVII вв. князя Л. С. Голицына. Из коллекции Севастопольского художественного музея // Вдохновенный Крымом. Полуденный альманах. – Москва–Симферополь. – 1998. – С. 175–176.

- 16 Маркевич А. И. К судьбам коллекции. — С. 144.
- 17 ГА АРК. — Р-2423. — Оп. 1. — Д. 46. — Л. 230.
- 18 Протокол заседания Таврической архивной комиссии 13 апреля 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1919. — № 56. — С. 309.
- 19 ГА АРК. — ф. 42.— Оп. 1.— Д. 1396. — Л. 29.
- 20 Там же. — Р-1694. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 33а, 33б.
- 21 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 16.
- 22 Крымский республиканский краеведческий музей (КРКМ). — Архив ТУАК. — КП-23103. — Л. 23.
- 23 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 19 октября 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1919. — № 56. — С. 339.
- 24 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 5 сентября 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1919. — № 56. — С. 333-334. 25. Там же. — С. 334.
- 26 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 19 октября. 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь — 1919.— № 56.—С. 339.27. Моисеев Л.А.Указ. соч. — С. 252.
- 28 ГА АРК. — ф. 661. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 44.
- 29 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 3.
- 30 Там же. — Л. 17.
- 31 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 28 января 1918 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 2.
- 32 ГА АРК. — Р-2237. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 8-8 об.; Р-2238. — Оп. 1. — Д. 3.—Л. 5.
- 33 КРКМ. — Архив ТУАК. — КП. — 23102. — Л. 4-4 об.
- 34 ГА АРК. — Р-999. — Оп. 2. — Д. 24. — Л. 13.
- 35 Там же. — Л. 8.
- 36 Там же. — Р-2475. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1; Д. 4. — Л. 4.
- 37 Надинский П. И. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Крыму // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. — Симферополь, 1957. — С. 110.
- 38 ГА АРК. — Р-1616. — Оп. 1.— Д. 5. — Л. 3.
- 39 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссий за 1918 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57.— С. 61.
- 40 ГА АРК.— Р-2424. — Оп. 1.— Д.1.— Л. 9, 31, 35, 36; Д. 2. — Л.15; Д. 3. — Л. 5, 6, 8; Д. 5.— Л. 149.
- 41 Там же.— Р-1612.— Оп. 1. — Д. 1. — Л. 19.
- 42 Там же. — Р-2237. — Оп. 1.— Д. 7. — Л. 1.
- 43 ГА АРК. — Р-2257.— Оп. 1. — Д. 10. — Л. 3.
- 44 Там же. — ф.455. — Оп. 1. — Д. 394. — Л. 34-34 об.
- 45 Там же. — Р-999. — Оп. 2. — Д. 394. — Л. 70.
- 46 Зарубин В. Г. Указ. соч. — С. 17.
- 47 ГА АРК. — Р-999.— Оп. 2. — Д. 24. — Л. 16-17.
- 48 Там же. — Д-402. — Д. 20-21.
- 49 Там же. — Р-999. — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 14-15 об.
- 50 Там же. — Л. 42.
- 51 Протокол заседания Таврической учетной архивной комиссии 15 ноября 1918 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 25.
- 52 ГА АРК. — Р-999. — Оп. 2. — Д. 24. — Д. 8-8 об.
- 53 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссий 15 ноября 1918 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 24
- 54 ГА АРК. ф.661.— Оп. 1. — Д.12. — Л.56.
- 55 Там же. — Л. 56 об.
- 56 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 2; ф. 661. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 63.
- 57 Там же. — ф. 661. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 14 об.
- 58 Там же. — Р-2425. — Оп. 1. — Д.54. — Л.5-10; Р-2269. — Оп. 1. — Д.13. — Л. 7, 13, 45-47.

- 59 Там же. — Р-2269. — Оп. 1.— Д.13. — Л. 1.
- 60 Там же. — Л. 1 об. — 2.
- 61 Там же. — Р-2425. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 2.
- 62 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 17 об.
- 63 Там же. — Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Д. 317.
- 64 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 163.
- 65 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1919-ый год. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 71.
- 66 Гриневиц К.Э. Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей. — Керчь, 1919. — С. 12.
- 67 ГА АРК. — Р-999.— Оп. 2. — Д. 24. — Л. 22.
- 68 Там же. — Р-998. — Оп. 1. — Д.186. — Л. 10.
- 69 Там же. — Р-3292. — Оп. 1. — Д. 130. — Л. 7 об.
- 70 Декреты Советской власти. — М. — 1959. — Т. 2. — С. 389-390; М. —1964. — Т. 3. — С. 352-355.
- 71 ГА АРК. — Р-1733. — Оп. 1. — Д. 173. — Л.103.
- 72 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 18 июня 1919 года. // ИТУАК. — Симферополь.—1920.—Приложение к № 57.—С. 43.
- 73 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1919 год. // ИТУАК. — Симферополь.— 1920. — Приложение к № 57. — С.71.
- 74 ГА АРК. — Р-1733. — Оп. 1. — Д.173. — Л. 37.
- 75 Там же. — Л.103.
- 76 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 14 об.
- 77 Там же. — Р-20. — Оп. 3. — Д. 52. — Д. 36.
- 78 ГА АРК. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 52. — Л. 1 об.
- 79 Там же. — Р-2424. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 2.
- 80 Там же. — Р-1829. — Оп. 1. — Д. 8. — Д. 69.
- 81 Там же. — Р-2424. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 4.
- 82 Там же. — Д. 22. — Л. 23.
- 83 Там же. — Л-21-22.
- 84 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 5. — Л.11 об.
- 85 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 8. — Л.15 об.; Д. 12. — Л. 63 об.; Д. 19.— Л. 5 об.; Р-2235. — Оп. 1. — Д. 25. — Л.10.
- 86 Там же. — Р-3292. — Оп. 1. — Д. 131а. — Л. 1.
- 87 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 91-92.
- 88 Там же. — Л. 93-93 об.
- 89 Там же. — Р-20. — Оп. 3. — Д.52. — Л. 31.
- 90 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 15 ноября 1919 года. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 54-55.
- 91 КРКМ. — Архив ТУАК. — КП — 23075. — Л. 20; КП — 23076. — Л. 5 об.
- 92 ГА АРК. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 4.
- 93 Там же. — Л. 14.
- 94 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 2.
- 95 Там же. — Д. 12. — Л. 59; Д. 19. — Л. 4 об.
- 96 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 8.
- 97 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1919 год. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 73.
- 98 ГА АРК. — Ф. 455. — Оп. 1. — Д. 9864. — Л. 3; Р-3292. — Оп. 1. — Д.146. — Л. 4.
- 99 Там же.— Ф. 376.—Оп.5.—Д. 15251.—Л. 16-16 об; Маркевич А. И. Указ. соч. — С. 144.
- 100 ГА АРК. — Р-1271. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 5.

Депортация из Крыма армян, болгар, греков и граждан других национальностей (1944 г.)

В.Г.Зарубин,

заместитель председателя Республиканского комитета по охране культурного наследия Автономная Республика Крым

После насильственной высылки с территории полуострова крымских татар настала очередь других национальных групп. 29 мая 1944 г. народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину: «После выселения крымских татар в Крыму продолжается работа по выявлению и изъятию органами НКВД СССР антисоветского элемента, проческа и пр. На территории Крыма учтено проживающих в настоящее время болгар – 12 075, греков – 14 300, армян – 9919» (в 1939 г. среди жителей полуострова насчитывалось: болгар 15 353 – 1,4% ко всему населению, греков 20 652 – 1,8%, армян 12 873 – 1,1%¹). При этом указывалось, что «болгарское население проживает большей частью в населенных пунктах района между Симферополем и Феодосией, а также в районе Джанкоя. Имеется до 10 сельсоветов с населением в каждом от 80 до 100 жителей–болгар». Далее следовало «обвинительное заключение»: «В период немецкой оккупации значительная часть болгарского населения активно участвовала в проводимых немцами мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии, содействовала германским военным властям в выявлении и задержании военнослужащих Красной Армии и советских партизан, получала «охранные свидетельства» от германского командования. Немцами организовывались полицейские отряды из болгар, а также проводилась среди болгарского населения вербовка для посылки на работу в Германию». (Подобная вербовка проводилась среди всего населения полуострова, невзирая на национальность.)

О греках Берия сообщал следующее: «Греческое население проживает в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д.». Вот и все «обвинения»!

Далее шла речь об армянах: «Армянское население проживает в большинстве районов Крыма. Крупных населенных пунктов с армянским населением нет. Организованный немцами Армянский комитет активно сотрудничал с немцами и проводил большую антисоветскую работу.

В г.Симферополе существовала немецкая разведывательная организация «Дромедар», возглавляемая бывшим дашнакским генералом Дро², который руководил разведывательной работой против Красной Армии и в этих целях создал несколько армянских комитетов для шпионской и подрывной работы в тылу Красной Армии и для содействия организации добровольческих армянских легионов.

Армянские национальные комитеты при активном участии прибывших из Берлина и Стамбула эмигрантов проводили работу по пропаганде «независимой Армении».

Существовали так называемые «армянские религиозные общины», которые, кроме религиозных и политических вопросов, занимались организацией среди армян торговли и мелкой промышленности. Эти организации оказывали немцам помощь, особенно «путем сбора средств» на военные нужды Германии. Армянскими организациями был сформирован так называемый «Армянский легион», который содержался за счет средств армянских общин».

Вывод Берии был следующим: «НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех болгар, греков, армян³. Это относилось и к партизанам,

подпольщикам, к лицам, совершенно не запятнавшим себя сотрудничеством с оккупантами.

2 июня 1944 г. И.В. Сталин подписывает постановление Государственного комитета обороны № 5984, согласно которому НКВД обязывалось «дополнительно к выселению по постановлению ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. крымских татар выселить с территории Крымской АССР 37 тыс. чел. немецких пособников из числа болгар, греков и армян», которых «направить для расселения в сельском хозяйстве, в подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях следующих областей и республик: Гурьевская обл. Казахской ССР — 7000 чел., Свердловская обл. — 10 000 чел., Молотовская обл. — 10 000 чел., Кемеровская обл. — 6000 чел., Башкирская АССР — 4000 чел.»⁴.

Еще 7 мая 1944 г. В.З. Кобулов и И.А. Серов в своей записке на имя Берии просили «разрешить выселить 330 человек немцев, австрийцев, венгров, румын, итальянцев, проживающих в Крыму, а также до 1000 проституток, проживающих на курортах и в городах Черноморского побережья»⁵. Нет оснований сомневаться в том, что нарком внутренних дел СССР отказал своим подручным. В 1944 г. из Крыма выслано 2300 немцев⁶. Добавим, что основная масса немцев (около 53 тыс. чел.) была вывезена с территории полуострова еще в августе 1941 г., основная масса итальянцев, проживавших в районе Керчи, — в начале 1942 г., когда Керченский полуостров был освобожден Красной Армией, а вместе с крымскими татарами оказались высланными местные турки, цыгане, незначительная часть караимов. По данным на март 1949 г. среди крымского спецконтингента, находившегося в местах высылки, было 1280 русских, 1109 цыган, 427 немцев, 272 турка, 257 украинцев и 283 прочих⁷.

15 июня 1944 г. Берия обратил внимание Сталина на то, «что в Крыму выявлено 310 семей местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имевших на руках просроченные турецкие, греческие и иранские паспорта. НКВД СССР считает нежелательным их оставление в Крыму и просит разрешить выселить их и направить в один из районов Узбекской ССР»⁸. Предложение вскоре было претворено в жизнь. 24 июня Сталин подписывает Постановление ГКО № 6100сс: «Разрешить НКВД СССР выселить из Крыма (местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные национальные паспорта) и направить их для проживания на время войны в один из районов Узбекской ССР»⁹.

Операция по выселению болгар, греков, армян, иноподданных прошла 27 июня 1944 г. Людям давалось несколько часов на сборы, а далее в товарных вагонах под дулом автоматов их отправляли в неведомые края.

4 июля Берия доложил Сталину, что выселение из Крыма татар, болгар, греков, армян закончено. Всего выселено 225 009 чел., в том числе татар — 183 155, болгар — 12 422, греков — 15 040, армян — 9621, немцев — 1119, иноподданных — 3652 чел. «При проведении операции по выселению на местах и в пути происшествий не было»¹⁰.

После высылки из Крыма по фронтам были изданы специальные приказы об увольнении из рядов Красной Армии бойцов национальностей, подлежащих высылке, и направлении их на спецпоселение. Это касалось всех, кроме старших офицеров, к тому же не являвшихся политработниками. По данным на март 1949 г. из числа крымских спецпоселенцев, ранее служивших в Красной (Советской) армии, было: греков — 559 (8 офицеров, 86 сержантов, 465 рядовых), болгар — 582 (9 офицеров, 76 сержантов, 494 рядовых), армян — 574 (19 офицеров, 70 сержантов, 485 рядовых), других — 184 (9 офицеров, 33 сержанта, 142 рядовых)¹¹. При этом следует учесть, что в годы Великой Отечественной войны немцы, а также выходцы из государств-союзников фашистской Германии, стран, ею оккупированных, их потомки, являющиеся гражданами СССР, в Красную Армию не призывались.

До 1 октября 1948 г. на спецпоселение дополнительно поступило 7219 человек (репатрианты, демобилизованные и проч.), которые включались в крымский контингент. Фактически число уроженцев Крыма, включенных в число спецпоселенцев в 1945–1948 гг., было больше, но часть из них включена в контингент «власовцы». В то же время до 1 октября 1948 г. из спецпоселенцев-крымчан, высланных в 1944 г., освобожден 3531 человек¹².

Следует отметить, что среди высланных из Крыма в 1944 г., помимо татар, греков, болгар, армян, оказалось несколько тысяч граждан других национальностей, среди которых значительную часть составляли члены смешанных семей. При этом если муж, к примеру, был армянином, а жена – русская, оба учитывались как армяне. Но, если муж являлся русским, а жена армянкой, оба учитывались как «другие». Среди взрослых спецпоселенцев крымского контингента, не входивших в подконтингент «другие», насчитывалось 2882 представителя различных национальностей, в том числе 1917 русских, 340 украинцев, 311 цыган, 30 караимов, 27 немцев, 27 поляков, 25 туркмен, 20 турок, 17 евреев, 12 белорусов, 10 калмыков, 9 чехов, 7 молдаван, 5 лезгинов, 3 австрийца, 3 латыша, 3 эстонца, 3 казаха, 2 албанца, 2 ассирийца, 2 кабардинца, 2 башкира, 2 венгра, 2 румына, 1 азербайджанец, 1 француз и 99 прочих (данные на март 1949 г.)¹³.

Видимо, с целью избежать в дальнейшем «лишних» обращений и поводов для изменения мест проживания на спецпоселении была подготовлена директива НКВД СССР «О соединении разрозненных семей крымских болгар, греков, армян» от 9 августа 1944 г.

НКВД стремился учитывать все, что касалось спецконтингента, в том числе профессиональный и образовательный уровень. Среди взрослых греков 71 имел высшее образование, 592 – среднее, 7012 – низшее, 1424 было неграмотных; среди болгар эти показатели были такими: 45; 375; 6456; 1079 (соответственно); среди армян – 67; 431; 4016; 684; среди других (входящих в состав семей спецпоселенцев из Крыма, включая татар) – 33; 214; 2034; 601; среди других (не входящих в состав семей спецпоселенцев из Крыма) – 31; 172; 1687; 535 (данные на март 1949 г.)¹⁴.

Лица, высланные из Крыма, оказались расселенными в различных регионах необъятного СССР. По состоянию на 1 января 1953 г. из них (вместе с арестованными и числившимися в розыске) на спецпоселении находилось:

греки – в Узбекистане находилось на спецпоселении 4097 человек (в Ташкентской области – 15 чел., Самаркандской – 25, Ферганской – 3945, Андижанской – 16, Кашкардарьинской – 39, Бухарской – 2, Каракалпакской АССР – 55); в Российской Федерации – 9253 человек (в Молотовской (Пермской) обл. – 2268 чел., Свердловской – 3414, Марийской АССР – 128, Кемеровской обл. – 1334, Башкирской АССР – 1967, Тульской обл. – 5, Костромской – 1, Московской – 2, Куйбышевской – 1, Кировской – 4, Татарской АССР – 32, Красноярском крае – 8, Якутской АССР – 10, Иркутской обл. – 23, Хабаровском крае – 12, Чувашской АССР – 2, Челябинской обл. – 10, Новосибирской – 7, Тюменской – 5, Томской – 7, Коми АССР – 4, Удмуртской АССР – 1, Сахалинской обл. – 3, на Дальнем Севере – 5); в Казахстане – 1240 человек (в Гурьевской обл. – 1040 чел., Алма-Атинской – 128, Южно-Казахстанской – 9, Джамбульской – 20, Талды-Курганской – 8, Кызыл-Ордынской – 6, Кустанайской – 24, Актюбинской – 1, Кокчетавской – 1, Северо-Казахстанской – 3 чел.); в Киргизии – 16 человек (во Фрунзенской обл. – 4 чел., Ошской – 2, Иссык-Кульской – 6, Таласской – 4); в Таджикистане – 153 человек; в Карело-Финской ССР – 1 человек;

болгары – в Узбекистане – 53 человека (в Ташкентской области – 25 чел., Самаркандской – 6, Ферганской – 20, Кашкардарьинской – 1, Каракалпакской АССР –

1); в Российской Федерации – 10 388 человек (в Молотовской (Пермской) области – 3625, Свердловской – 2847, Марийской АССР – 196, Кемеровской обл. – 2365, Башкирской АССР – 768, Тульской обл. – 4, Московской – 33, Кировской – 486, Татарской АССР – 13, Якутской АССР – 4, Иркутской обл. – 9, Хабаровском крае – 4, Челябинской обл. – 10, в исправительно-трудовых лагерях и на спецстройках МВД – 2, Новосибирской обл. – 3, Тюменской – 8, Курганской – 5, Омской – 1, Удмуртской АССР – 1, Читинской обл. – 1, на Дальнем Севере – 3); в Казахстане – 1868 (в Гурьевской обл. – 1659 чел., Алма-Атинской – 165, Южно-Казахстанской – 3, Джамбульской – 5, Западно-Казахстанской – 7, Кзыл-Ординской – 4, Карагандинской – 5, Кустанайской – 1, Акмолинской – 3, Восточно-Казахстанской – 10, Семипалатинской – 4, Северо-Казахстанской – 2); в Киргизии – 1 (Ошская обл.); в Таджикистане – 154 человека; в Карело-финской ССР – 1 человек;

армяне. – в Узбекистане – 381 человек (в Ташкентской области – 47 чел., Самаркандской – 186, Ферганской – 111, Андижанской – 21, Кашкадарьинской – 12, Каракалпакской АССР – 4); в Российской Федерации 7492 человека (в Молотовской (Пермской) области – 1835 чел., Свердловской – 2858, Марийской АССР – 282, Кемеровской обл. – 1385, Башкирской АССР – 941, Тульской обл. – 2, Московской – 23, Кировской – 9, Татарской АССР – 83, Красноярском крае – 8, Якутской АССР – 12, Иркутской обл. – 26, Хабаровском крае – 7, в исправительно-трудовых лагерях и на спецстройках МВД – 7, Новосибирской обл. – 7, Тюменской – 1, Томской – 3, Мурманской – 1, Амурской – 1, на Дальнем Севере – 1); в Казахстане 575 человек (в Гурьевской обл. – 478 чел., Алма-Атинской – 61, Южно-Казахстанской – 14, Джамбульской – 1, Талды-Курганской – 2, Кзыл-Ординской – 1, Карагандинской – 3, Кустанайской – 7, Семипалатинской – 7, Кокчетавской – 1); в Таджикистане – 121 человек; в Туркмении – 1 человек;

другие – в Узбекистане – 852 человека (в Ташкентской области – 166 чел., Самаркандской – 18, Ферганской – 506, Андижанской – 73, Наманганской – 26, Бухарской – 63); в Российской Федерации – 2371 человек (в Молотовской (Пермской) обл. – 426 чел., Свердловской – 927, Марийской АССР – 83, Кемеровской обл. – 357, Башкирской АССР – 498, Тульской обл. – 3, Костромской – 23, Куйбышевской – 2, Кировской – 1, Татарской АССР – 11, Красноярском крае – 14, Чувашской АССР – 4, Челябинской обл. – 9, в исправительно-трудовых лагерях и на спецстройках МВД – 6, Новосибирской обл. – 1, Курганской – 1, Удмуртской – 5); в Казахстане – 366 человек (в Гурьевской обл. – 256 чел., Алма-Атинской – 104, Южно-Казахстанской – 4, Джамбульской – 2); в Киргизии – 6 человек (во Фрунзенской обл. – 3 чел., Ошской – 3); в Таджикистане – 49 человек¹⁵ .

Всего на спецпоселении состояло на учете: 14 760 греков, из них – 4444 мужчины, 6323 женщины, 3719 детей, 33 человека числились в розыске, 241 был арестован; 12 465 болгар, из них – 3689 мужчин, 4962 женщины, 3542 ребенка, 18 человек числились в розыске, 254 было арестовано; 8570 армян, из них – 2409 мужчин, 3758 женщин, 2143 ребенка, 44 числилось в розыске, 216 было арестовано; 3644 других, из них – 756 мужчин, 1732 женщины, 1004 ребенка, 31 числился в розыске, 121 был арестован¹⁶ .

В.М.Брошевану и П.К.Тыглиянцу удалось выявить, как расселялись высланные из Крыма армяне: в Молотовскую (Пермскую) область направлялись лица, проживавшие в Карасубазаре (Белогорске), Симферополе, Зуйском и Сейтлеровском (Нижегорском) районах, в Свердловскую область – в Симферополе и Карасубазарском (Белогорском) районе, в Кемеровскую область (г. Прокопьевск) – в Симферополе, в Башкирию – в Феодосии, Ялте, Керчи, в Казахстан (г. Гурьев) – в Старом Крыму¹⁷ .

Иноподданные были размещены в Ферганской области Узбекистана, из них 3531 человек имел подданство Греции, 105 – Турции и 16 человек – Ирана¹⁸ .

Положение спецпоселенцев, особенно в первые годы, было крайне тяжелым. Им зачастую приходилось жить в непригодных помещениях, скудно питаться, страдать от болезней и т.п. Как результат – высокая смертность. С момента первоначального вселения на новые места до 1 октября 1948 г. смертность крымского контингента (высланные с полуострова всех национальностей) была выше рождаемости в 6,8 раза. За 1945–1950 гг. из числа спецпоселенцев–крымчан умерло 32 107 человек, за два года (1951–1952) – 2862 (в 1951 г. родилось 5007 человек)¹⁹.

Режим спецпоселений был определен Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 8 января 1945 г. № 35 «О правовом положении спецпереселенцев». Они были ограничены в передвижении, должны отмечаться в спецкомендатурах и т. д. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривалась как побег и влекла уголовную ответственность. Несмотря на это, люди пытались бежать из мест высылки. С момента вселения в 1944 г. и до конца 1948 г. бежали 8692 спецпоселенца крымского контингента. До конца 1948 г. было задержано 6295 человек, из них 2645 (42%) привлечено к уголовной ответственности. На 1 января 1949 г. в бегах числилось 2397 спецпоселенцев–крымчан. При проведении проверки состояния паспортного режима в Крыму с 5 по 20 октября 1948 г. выявлено 34 беглых спецпоселенца, из них 1 татарин, 7 греков, 3 болгарина, 21 немец и 2 русских. Из этого числа 10 человек было арестовано, 18 – возвращено в места спецпоселений, 6 оказалось постельно-больными (их намечалось отправить на спецпоселение после выздоровления). Также обнаружено 18 человек, освобожденных из спецпоселения без права въезда в Крым (их немедленно удалили из пределов Крымской области)²⁰.

26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», в котором подчеркивалось, что высланы они «навечно без права возврата их к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) из мест спецпоселения «виновные» привлекались к уголовной ответственности и наказывались каторжными работами на срок в 20 лет; лица, способствующие побегам, укрывающие беглецов, оказывающие им помощь, также привлекались к уголовной ответственности и лишению свободы на срок 5 лет. Число побегов заметно сократилось.

Следует отметить, что еще в 1944 г. режим спецпоселения был снят с некоторых категорий граждан. В августе выходит директива «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», в сентябре – «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД–НКГБ, относящихся к переселенным национальностям». Лучшие условия для проживания создавались партийным и советским работникам, имевшим возможность попасть на государственную службу, лицам с высшим и специальным образованием. Так, по данным на 1 августа 1950 г. из числа высланных крымчан различных национальностей на предприятиях и учреждениях ряда министерств было занято: 236 чел. (Министерство путей сообщения), 2963 (внутренних дел), 777 (торговли), 1854 (здравоохранения), 1625 (просвещения), 199 (финансов), 64 (социального обеспечения), 902 (госбезопасности), 9 (юстиции), 1 (высшей школы), 8 (Комитета по делам искусств), 4946 в государственных и советских учреждениях и т. д. Из числа высланных активно вербовались доносчики. Например, на 1 марта 1945 г. в Молотовской (Пермской) области среди 20 226 спецпоселенцев из Крыма агентурно-осведомительная сеть составляла 519 человек (5 резидентов, 12 агентов и 502 осведомителя); в Узбекистане эта сеть составила 2730 человек (соответственно 15,82 и 2633). При этом особое значение органы НКВД–МВД–МГБ придавали агентуре среди священнослужителей из числа спецпоселенцев. Представление о масштабе этой деятельности дает следующий факт: более 1/3 священников–мусульман в Узбекистане из лиц, высланных с территории полуострова,

были завербованы в качестве агентов или осведомителей (данные на октябрь 1946 г.)²¹ .

Проекты по освобождению спецпоселенцев стали возникать вскоре после смерти И.В. Сталина, причем их составляли те, кто непосредственно организовывал высылку. Весной 1953 г. Л.П. Берия и С.Н. Круглов планировали к августу 1953 г. освободить свыше 1,7 млн. человек, в том числе более 60 тыс. спецпоселенцев крымского контингента (дети до 16 лет, женщины различных национальностей, высланные за сожительство с оккупантами). Но с арестом Берии эта идея не была осуществлена.

В сентябре 1953 г. МВД СССР были составлены и представлены ЦК КПСС и Совету Министров СССР предложения по освобождению ряда категорий спецпоселенцев, в том числе всех крымских греков, болгар, армян и других. Президиум ЦК КПСС рассмотрел эти предложения лишь в апреле 1954 г., в принципе одобрил, но посчитал, что исполнять их надобно по частям. 5 июля 1954 г. подписано Постановление Совета Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», согласно которому с учета спецпоселений снимались дети до 16 лет и дети старше 16 лет, обучающиеся в учебных заведениях. Взрослые теперь могли отмечаться в спецкомендатурах один раз в году (раньше – раз в месяц) и свободно перемещаться в пределах республики, края, области. 13 июля 1954 г. отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.

Численность крымского спецконтингента стала сокращаться. К 1 января 1955 г. он насчитывал 145 229 человек, в том числе: 118 351 татарин, 10 506 греков, 8606 болгар, 5679 армян и 2087 других²² . С мая 1955 г. по март 1956 г. из спецпоселения освобождались коммунисты и члены их семей; участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР; женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины различных национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, греками, болгарскими и армянами по признакам супружеских отношений, которые позже прекратились; одинокие инвалиды и лица, страдающие неизлечимыми болезнями, не имевшие возможности самостоятельно обеспечить свое существование; члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны; преподаватели; члены семей преподавателей, участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР; члены семей других лиц, ранее снятых с учета спецпоселений.

Наконец, издается Указ Президиума Верховного Совета СССР 27 марта 1956 г. «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находившихся на спецпоселении», поскольку эти ограничения «в дальнейшем не вызываются необходимостью». Однако устанавливалось, что снятие данных ограничений не влечет за собой возвращения гражданам указанных национальностей имущества, «конфискованного при выселении, и что они не могут возвращаться на местожительство в Крымскую область»²³ , о чем с бывших спецпоселенцев были взяты соответствующие расписки²⁴ .

Впереди был долгий путь на родину.

---

*)

1. Крым многонациональный/Сост. Н. Г. Степанова. – Симферополь, 1998 (Вопросы – ответы; Вып. 1). – С. 72.
2. Канаян Драстамат (1883–1956) – армянский политический и военный деятель. Член партии «Дашнакцутюн» («Союз»). Во время 1-й Мировой войны командовал 2-м

армянским добровольческим отрядом на Кавказском фронте. В конце 1917 г. – комиссар Армянского корпуса. Участвовал в боях с турецкими интервентами (1918). С ноября 1920 г. – военный министр Республики Армения. Входил в состав временного ревкома Советской Армении (от группы левых дашнаков), до начала января 1921 г. исполнял обязанности командующего ее войсками. В феврале 1921 г. выступил против советской власти. Эмигрант (жил в Румынии, Ливане). В годы 2-й Мировой войны примкнул к части партии «Дашнакцутюн», ориентирующейся на фашистскую Германию. Участвовал в создании легионов из числа советских военнопленных–армян. После окончания войны – активист Американского национального комитета армян без родины (АНЧА), который содействовал размещению перемещенных лиц в Западной Европе и США. Умер в США (Армянский вопрос. Энциклопедия. – Ереван, 1991. – С. 168).

3. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. – М., 1992. – С. 141–142.
4. Там же. – С. 142.
5. Там же. – С. 134.
6. Брошеван В., Тыглиянц П. Изгнание и возвращение. – Симферополь, 1994. – С. 27.
7. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944–1956 гг.)//Крымский музей. – Симферополь, 1995. – № 1. – С. 76.
8. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. – С. 143.
9. РЦХИДНИ. ф. 664. – Оп 1. – Д. 226. – Л. 64
10. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. – С. 144.
11. Там же. – С. 77.
12. Там же. – С. 74.
13. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944–1956 гг.). – С. 76.
14. Там же. – С. 78.
15. Там же. – С. 79–80.
16. Там же. – С. 76.
17. Брошеван В., Тыглиянц П. Изгнание и возвращение. – С. 61.
18. Зарубин В. Г. Депортация крымских греков (1944–1956 гг.)//Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. – Симферополь, 2000. – С. 75.
19. Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944–1956 гг.). – С. 74–75.
20. Там же. – С. 75.
21. Там же. – С. 76–77.
22. Там же. – С. 78.
23. Брошеван В., Тыглиянц П. Изгнание и возвращение. – С. 148 (Приложение 17).
24. Жители Крыма – подданные Греции, Турции, Ирана освобождены по Указу Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 г. «О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство».
<http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=82&par=74&l=&art=244>

=====

Крым в 1918–1919 гг.: интервенты, местные власти и население*

В.Г. Зарубин,
заместитель председателя Республиканского комитета по охране культурного наследия Автономная Республика Крым

В советской историографии события второй половины 1918 – первой половины 1919 г. в Крыму, когда на полуострове находились иностранные войска, традиционно рисовались исключительно мрачными красками и к тому же весьма тенденциозно. Однако материалы Государственного архива в Автономной Республике Крым (ГААРК),

источники, ставшие доступными сегодня, позволяют представить объективную картину происходящего в этот период, что нашло отражение в ряде опубликованных в последнее время работ, в том числе и автора этих строк.

18 апреля 1918 г. на полуостров вторглись германские части и Крымская группа войск П.Болбочана (Центральная Рада). Крым был включен в сферу интересов Германии по соглашению с Австро-Венгрией, подписанному 29 марта 1918 г. в Бадене. 22 апреля от имени народного комиссариата иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил германскому правительству специальную ноту протеста: "Продвижение в Крым является существенным нарушением Брестского мира, так как является вторжением в пределы Советской Республики. Вторжение угрожает нашему Черноморскому флоту, что может повести к столкновениям, вызываемым интересами самосохранения флота. Народный комиссар иностранных дел надеется, что дальнейшее продвижение войск в Крыму будет приостановлено, и просит германское правительство уведомить незамедлительно о последующем"² .

Однако наступление остановлено не было. 29 апреля 1918 г. команды ряда кораблей Черноморского флота подняли украинские флаги. На следующий день, чтобы не достаться врагу, под огнем артиллерии противника часть судов эвакуировалась из Севастополя в Новороссийск. После ряда столкновений с красноармейцами к 1 мая немецкие войска заняли всю территорию полуострова. 3 мая по приказу германского командования украинские флаги на кораблях были заменены немецкими, а украинские силы выведены из Крыма. Посол Германии в Москве граф В. Мирбах по поводу вторжения цинично заявил: "...Императорское правительство считает себя вынужденным, ввиду нападения флота из Севастополя против Херсона и Николаева [на самом деле матросы принимали участие только в сухопутных боях с немцами. – В. З.], продвинуть туда войска и занять Севастополь. Что же касается до политической государственной организации, то императорское правительство дает полную силу праву на самоопределение, провозглашенному русским правительством, и предполагает, что вопрос относительно Крыма, который до сих пор принадлежал к Таврической губернии, будет предметом русско-украинского договора"³ . Правда, социалисты Ледебур, Гаазе и др. опротестовывают в Рейхстаге оккупацию Крыма как противоречащую Брест-Литовским договоренностям.

Кайзеровское правительство преследовало в Крыму имперские цели. Его привлекало уникальное геополитическое положение полуострова – своеобразного моста между Европой и Азией. Правящие круги Германии мечтали о захвате Кавказа, установлении своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Для этого необходимо было крайне ослабить Россию. Государственный секретарь по иностранным делам Германии Р. Кюльман в мае 1918 г. писал: "Наши интересы требуют предпринять все для того, чтобы как можно дальше задержать воссоединение расчлененной России... и все мои устремления направлены будут к тому, чтобы избежать таких ошибок, которые могли бы привести к быстрому укреплению России"⁴ .

Стремясь оторвать Крым от России и утвердить здесь свое влияние, германцы не ставили и не могли ставить своей целью создание на полуострове подлинно независимого государства. Однако Германия, изнемогая в войне, слабела с каждым днем и потому не могла управлять Крымом сугубо диктаторскими методами. Еще одной задачей германского руководства, чья страна находилась в состоянии глубочайшего экономического кризиса, было максимально возможное изъятие в Крыму имущества и продовольствия.

7 мая Крым был разделен на две зоны оккупации: западную, которую занимала 117-я егерская дивизия, и восточную – 15-я дивизия ландвера. Севастополь выделялся в самостоятельную единицу; его заняли 1-й и 9-й егерские батальоны. 7-й егерский батальон был направлен в район Симферополя, его части размещались и в

Бахчисарае. К середине июня численность германских войск в Крыму достигла 50 тыс. чел.

Объявив население Крыма "туземцами", командующий оккупационными войсками на полуострове генерал от инфантерии Роберт Кош ввел военное положение. "Германское военное судопроизводство по законам германского полевого суда, – говорилось в его приказе от 30 мая 1918 года, – будет применяться к туземным жителям в следующих случаях: 1. Когда туземные жители обвиняются на основании законов Германского государства в преступных деяниях против германского войска и лиц, входящих в состав его. 2. При нарушении и неисполнении туземными жителями распоряжений и приказов, изданных военными начальниками, с предупреждением о привлечении к ответственности и в интересах безопасности как войска, [так] и в интересах успокоения страны"⁵. В целях умиротворения Крыма населению было предписано под угрозой смертной казни сдать ко 2 мая имеющееся у них оружие. 2 июня германское командование издает новый приказ, согласно которому местные жители подлежат казни "при всяком деянии... против германских войск", "при неисполнении распоряжений и приказов", за хранение оружия и оказание содействия в хранении оружия, за умышленное повреждение сооружений, служащих для передачи известий, а также "за деяния, направленные на порчу запасов страны", путей сообщения, за распространение сведений о положении на фронте германских войск или их союзников, за препятствие "оказанию услуг германским войскам или лицам, принадлежащим к оным", за подстрекательство германских войск или отдельных лиц против германского командования "для подпольных агитационных целей и т. д."⁶.

Грозные приказы неукоснительно выполнялись. Несколько смертных приговоров было приведено в исполнение, подвергались репрессиям большевики. Однако один из активнейших участников октябрьских событий 1917 г. в Петрограде, бывший народный комиссар по морским делам первого правительства Советской России П.Е. Дыбенко, направленный в Крым для подготовки вооруженного восстания, арестованный немцами в августе 1918 г. в Севастополе и приговоренный к расстрелу, был обменен на пленных немецких офицеров.

Перед германским командованием стояла непростая задача – организовать управление краем. Учитывая специфику Крыма, это было сделать не так-то просто.

В 1917 г. на полуострове проживало 808 903 человека 34 национальностей. Из них русских и украинцев 309 785 (49,4% ко всему населению), татар и турок 216 968 (26,8%), евреев и крымчаков 68 159 (8,4%), немцев 41 374 (5,1%), греков 20 124 (2,5%), армян 16 907 (2,1%), болгар 13 220 (1,6%), поляков 11 760 (1,5%), караимов 9 078 (1,1%), прочих (молдаван, эстонцев, чехов, цыган, итальянцев и др.) 11 526 (1,5%). Немало было и подданных других государств.

После февральской революции в Крыму действовало около 30 организаций различных партий и движений, включая национальные. 26 ноября (9 декабря) в Бахчисарае открывается Курултай, начавший работу как учредительное собрание крымских татар и продолживший ее как постоянно действующий орган – национальный съезд, 13 (26) декабря избравший Директорию (национальное правительство), провозгласивший Крымскую Демократическую (Народную) Республику и утвердивший ее конституцию "Крымскотатарские Основные Законы". Правда, в условиях разгоревшейся гражданской войны⁷ эта республика так и не была реально создана.

В январе 1918 г. крайне левые силы, опираясь на матросов Черноморского флота, распространяют свою власть на всю территорию полуострова, хотя в горных районах она остается эфемерной. В экстремальных условиях германского наступления на Украину в марте провозглашается Социалистическая Советская Республика Тавриды, де-юре считавшаяся самостоятельной, но де-факто входившая в состав Советской России, выполнявшая декреты и распоряжения ее органов власти.

В период правления большевиков и левых социалистов-революционеров осуществлялся террор против их политических противников, распущены Курултай и Директория, ликвидирована национальная печать. Огульная национализация предприятий, реквизиции, продовольственная диктатура, насильственные мобилизации, затягивание раздела земли среди крестьян вызвали недовольство населения. Неумение управлять, безделье и хищения приводили к развалу налаженного производства, привычного быта жителей края. К тому же новая власть, устранившаяся от решения национальных проблем, оставалась совершенно чуждой для большинства крымских татар⁸ .

С началом вторжения на полуостров германских войск и частей Центральной Рады, с появлением эмиссаров, последних в крымской глубинке, в 20-х числах апреля в горных районах и на побережье вспыхивает крымскотатарское восстание. Повстанцы обрушились не только на большевиков, но и на местное христианское население, особенно греков, с которыми они отождествляли власть советов. Разгорелся серьезный этноконфессиональный конфликт. Попытка подавить это выступление, месть со стороны греков, расправы с повстанцами и мирным крымскотатарским населением еще более его углубили⁹ . (По мнению участника событий тех лет, кадета князя В. А. Оболенского, "восстание было делом рук немецкого штаба", который стремился создать в Крыму самостоятельное мусульманское государство, ожидая проявления активности татарского населения в свержении "русского", т. е. большевистского ига" и формировании национального правительства¹⁰ .)

В это же время в степном Крыму на красные части нападают вооруженные отряды немцев-колонистов, снабжая наступающих сведениями разведывательного характера. В Симферополе разворачивается антисемитская агитация. По словам А.И. Деникина, жестокое правление большевиков на полуострове "в народном сознании... связывалось с фактом еврейского засилья"¹¹ .

Крушение Республики Тавриды побуждает различные политические силы антибольшевистской направленности конструировать собственные органы власти. 21 апреля, в день занятия германскими войсками Симферополя, образовалось Временное Бюро крымскотатарского парламента, решившее взять на себя до созыва Курултая управление национальными делами. Начались переговоры Бюро с германским командованием. 27 апреля совещание общественных деятелей восстанавливает губернский комиссариат (П.И. Бианки, В.П. Поливанов, А.А-С. Озенбашлы), создает Совет представителей правительственных и общественных губернских учреждений и местных самоуправлений при нем, в которых дебатруется вопрос о формировании властных органов в крае.

Совещание принимает воззвание к гражданам Таврической губернии, в котором на Совет возлагалось решение вопросов общего и делового характера. Совет объявлялся временным, "призванным действовать впредь до окончательного выяснения положения края и первой возможности созыва представителей всего населения"¹² . 6 мая Совет решил созвать 20 мая Общекрымский съезд городов и земств. (Параллельно умеренная печать развешивает пропаганду повторного созыва Всероссийского учредительного собрания.)

Германские власти отрицательно отнеслись к этой инициативе местных либералов. Съезд городов и земств не состоялся. Однако 30 мая – 7 июня в Симферополе прошло Губернское земское собрание, на котором преобладали социалисты-революционеры. Председателем Губернской земской управы собрание избрало князя В.А.Оболенского.

Кадеты сыграли в истории Крыма рассматриваемого периода немаловажную роль. Дело в том, что весной 1918 года на полуострове оказалось значительное число видных

деятелей партии, бежавших от большевиков и имевших здесь дачи и родственников. Разумеется, они не могли остаться в стороне от политической борьбы.

5 мая Р. Кош назначает губернатором Крыма генерал-майора барона Эглофштейна, командира 4-й Баварской кавалерийской дивизии. Германское командование в данный момент решает сделать ставку на местных немцев-колонистов. Вместе с войсками в Крым прибыл генерал фон Линдеквист, развернувший вместе с одесским католическим пастором Винклером среди них активную деятельность. 7 мая в д. Бютень (с. Ленинское Красногвардейского района) была созвана конференция немцев, на которую прибыло около 400 делегатов не только из Крыма, но и из Мелитополя, Бердянска, Херсона, Одессы. Здесь же присутствовали члены Курултая Ю.Б. Везиров и А.А-С. Озенбашлы. Председательствовал на конференции Винклер, с докладом выступил фон Линдеквист. Обсуждался вопрос о создании особой Черноморской области, включающей территорию, граничащую с северным побережьем Черного и Азовского морей, большинство которой должны составлять немцы. Было принято решение о создании в Крыму Союза немцев юга России, об установлении их контакта с Германией, о помощи ей продовольствием и подпиской на германский военный заем. Делегаты приветствовали вторжение германской армии, выразили ей поддержку и просили распространить германскую власть на Крым, а если это окажется невыполнимым, то дать возможность переселиться немецким колонистам в Германию. Германским командованием рассматривался и вопрос о выдвижении на пост генерал-губернатора крупного землевладельца Днепровского уезда барона В.Э. Фальц-Фейна, но тот отказался¹³.

Управлять полуостровом с его многонациональным населением как колонией германское командование не могло, поэтому занялось поиском политических сил для организации местной власти. Таковых оно увидело в возобновивших свою деятельность Курултае и Директории, чье руководство намеревалось создать независимую Крымскую Республику (чего не предполагалось еще в конце 1917 г.). На турецком боевом корабле в Крым возвращается лидер национального движения, председатель Директории Дж. Сейдамет, покинувший Крым в январе 1918 г. В Стамбуле он вел переговоры с Энвер-пашой, желая заручиться его поддержкой в борьбе за власть. 16 мая Сейдамет, после посещения штаба германского командования в Крыму, где получил соответствующие указания, выступил на Курултае с программной речью, в которой были такие слова: "...Есть одна великая личность, олицетворяющая собой Германию, великий гений германского народа... Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру, возвысивший ее в необычайную высь, есть не кто иной, как глава Великой Германии, Император Вильгельм, Творец величайшей силы и мощи. (...) Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма..."¹⁴. Курултай выдвинул кандидатуру Сейдамета на должность премьер-министра крымского правительства.

Однако фигура Сейдамета абсолютно не устраивала кадетов, считавших также, что "нельзя было признать ответственность Крымского правительства перед Курултаем, т.е. парламентом национального меньшинства"¹⁵.

По воспоминаниям В.А.Оболенского, большинство крымских кадетов сошлось на следующей платформе: 1) Крым не является самостоятельным государством, это лишь часть России; 2) правительство (Крыма) должно отказаться от дипломатических сношений с иностранными государствами и собственными вооруженными силами; 3) во главе правительства может стоять лицо по взаимному соглашению (прежде всего с Курултаем), но только не Дж. Сейдамет. "Формируемое правительство должно считать себя властью лишь до свержения большевиков и образования всероссийского правительства. Все заботы его должны быть направлены на создание порядка и внутреннего благоустройства края"¹⁶. Аналогичную позицию заняло и земское

собрание, кроме того, потребовав для своих представителей 5 мест в правительстве.

В начале июня в Симферополе на квартире октябриста В. С. Налбандова состоялись переговоры между представителями Курултая и кадетами. Был намечен следующий состав правительства: от крымских татар – Д. Аблаев (премьер-министр), Дж. Сейдамет, М.А. (Сулейман) Сулькевич; от немцев – В.С. Налбандов, Т.Г. Рапп или кадет Шредер, возможно, граф В.С. Татищев, от кадетов – С.С. Крым, В.В. Келлер (немец), В.Д. Набоков или В.А. Оболенский.

Но и эта попытка оказалась недейственной. Кадеты не могли согласиться на самостоятельность Крыма, отделение его от России, ориентацию на Германию и Турцию. Тогда германское командование остановилось на фигуре литовского татарина, генерал-лейтенанта, бывшего командующего 1-м Мусульманским корпусом М.А. Сулькевича (1865–1920) в качестве премьер-министра. С 5 июня он приступает к формированию кабинета, в который вошли князь С.В. Горчаков, бывший Таврический вице-губернатор (товарищ премьер-министра и исполняющий обязанности министра внутренних дел), В. С. Татищев (министр финансов, промышленности, торговли и труда, временно управляющий министерством юстиции), Дж. Сейдамет (министр иностранных дел), генерал-майор Л.Л. Фриман (министр путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфа), представители немцев Т.Г. Рапп (министр земледелия, краевых имуществ и снабжения), В.С. Налбандов (краевой контролер и краевой секретарь, управляющий до августа министерством народного просвещения и исповеданий). Сулькевич также был министром внутренних, военных и морских дел.

Однако правительство не смогло сразу приступить к работе. Германское командование предложило ему ничего не говорить в готовящейся Декларации о сроках, на которое оно создается, снять вопросы о созыве Краевого сейма, который должен создать новую власть, о позиции Украины, стремившейся включить полуостров в свой состав, исключить пункт, запрещающий вывоз из Крыма хлеба.

15 июня проект Декларации был отправлен в главную ставку германских войск в Киев на изучение. Ответа не было. К 20 июня министры потеряли всякое терпение, вручив Сулькевичу меморандум, в котором посчитали в таких условиях "возможность создания краевой власти сомнительной и маловероятной"¹⁷. Сулькевич по согласованию с германским штабом объявил о принятии на себя всей полноты власти в Крыму до окончания переговоров с германскими властями¹⁸. Правда, через три дня ситуация изменилась. После переговоров министров с группой германских офицеров во главе с представителем штаба главнокомандующего в Киеве майором фон Брикманом и новым начальником штаба крымской группы германских войск фон Энгелином был согласован текст Декларации¹⁹.

25 июня Сулькевич и министры наконец-то смогли подписать Декларацию первого Крымского краевого правительства. Ее "легитимность" заверялась Р. Кошем в следующем послании: "Ген.-Лейт. Сулькевичу. Имею честь подтвердить В. Пр[евосходительст]ву получение Вашей декларации. Я приветствую образование Вами, на основах этой декларации, Правительства, которое начнет немедленно свою деятельность на благо страны. Окончательная судьба Крыма должна определиться позднее"²⁰.

Декларация, имевшая название "К населению Крыма", начиналась с извещения, что Сулькевич принял на себя организацию правительственной власти "с согласия германского командования, оккупирующего Крым, для восстановления спокойствия и порядка", далее, несмотря на немецкую оккупацию, провозглашался "строгий нейтралитет в отношении всех воюющих держав". В сфере политической Краевое правительство признавало целесообразность сохранения законоположений Российского государства, изданных до большевистского переворота, с оговоркой об их

пересмотре в случае надобности. Предполагались выборы в органы местного самоуправления (но на цензовой и куриальной основе); выборы же демократического законодательного органа (Крымское учредительное собрание, Крымский сейм или Крымский парламент) и создание ответственного министерства пока откладывались на неопределенный срок.

Вводилось гражданство Крыма, закрепленное постановлением правительства от 11 сентября.

Государственным гербом Крыма утверждался герб Таврической губернии (византийский орел с золотым восьмиконечным крестом на щите), флагом – голубое полотнище с гербом в верхнем углу древка (что, кстати, для крымских татар выглядело противоестественно: голубое национальное знамя как фон ненавистного им двуглавого орла, символа угнетения). Столицей объявлялся Симферополь. В ранг государственного языка был возведен русский, но с правом пользования на официальном уровне татарским и немецким. Немецким колонистам возвращались земли, конфискованные у них в первую мировую войну. Их положение в период германской оккупации стало, естественно, вполне устойчивым.

На первый план в Декларации правительства выдвигались интересы помещиков и иных крупных собственников. Ни крестьянский, ни рабочий (оговаривалась только охрана труда без нанесения "ущерба производству"), ни национальный вопросы не удостоились разделов. Согласно нынешней терминологии, в Крыму установился авторитарный политический режим при рыночной экономике и с узкой социальной базой²¹.

Что касается Германии, то она от официального признания созданного по ее же инициативе правительства воздержалась. При этом германские военные стремились всеобъемлюще его контролировать. Стоило правительству опубликовать собственный закон о выборах земства от 19 июля без предварительного ознакомления командования с его текстом, как последовал окрик Энгелина, распорядившегося "в будущем, перед изданием важных постановлений, таковые, в главных чертах, сообщать генеральному командованию"²².

В первой половине июля полуостров посетили германский посол в Киеве А. Мумм и командующий группой армий "Киев" генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, которые не соизволили встретиться с Сулькевичем и его министрами, ожидавшими высоких гостей. В полном составе министры отправились в германский штаб за объяснениями, вручив официальное письмо, написанное В.С. Налбандовым. Угроза отставки действия не возымела, министрам прямо заявили о возможности передачи Крыма под управление Украины. Пришлось собственное письмо отозвать и ограничиться устным заявлением²³. По поводу признания правительства Г. Кош ответил хладнокровно: "...Министерство может быть уверено в покровительстве Германских властей. Это будет Правительству, как высшему местному органу Управления Крымом, на мой взгляд, гораздо важнее и для населения, чем формальное признание. Отставка Министерства, могущая состояться вследствие того, что вышеуказанные обстоятельства не будут приняты во внимание в полной мере, может создать лишь положение, из которого Германское Командование вынуждено будет искать выход вероятно нежелательный для настоящего Правительства"²⁴. Кош явно давал понять, на чьей стороне сила, но в то же время старался избежать прямого военного правления в Крыму, доверяя кабинету Сулькевичу более или менее самостоятельно решать внутренние проблемы, но и возлагая на него ответственность за положение в Крыму.

После этого В.С. Татищев и Дж. Сейдамет отбыли в Берлин в надежде добиться признания Краевого правительства со стороны Германии, получить заем в 50 млн. марок и заключить торговое соглашение.

А.В. Мальгин, анализируя политику кайзеровской Германии в отношении Крыма, акцентирует внимание на таком факторе, как позиция Советской России, считавшей полуостров (по Брестскому миру) своей территорией. "Выход, – пишет он, – германское командование видело в поддержке формирования на полуострове самостоятельного правительства, которое, однако, не имело бы какого-либо международного статуса и не опиралось на официальное признание Германии"²⁵. С этим вполне можно согласиться, но командование не учло стремлений Сулькевича строить в Крыму именно государственность и отстаивать в первую очередь собственно крымские интересы.

Особое место Сулькевич уделял крымским татарам, стремясь иметь их прочную поддержку. 30 июля он уведомил возродившуюся Директорию, которая превратилась в орган национального самоуправления и распоряжалась вакуфными (культурных учреждений) имуществами, о признании Краевым правительством культурно-национальной автономии крымских татар и заверил, что МВД не будет препятствовать утверждению уставов национально-общественных организаций. На следующий день уездным и окружным начальникам и начальникам городских полицейских отделений было приказано: "Ввиду происходивших случаев вмешательства чинов полиции в дела Крымско-татарской Национальной Директории, предписываю всем чинам полиции оказывать должностным лицам означенной Директории полное содействие по исполнению возложенных на них обязанностей"²⁶. К военному министерству прикомандировываются мусульманские священнослужители, утверждается штат причта полковой мечети Крымского конного полка.

Однако радикально-националистические элементы стремились к большему. В обращении к германскому правительству от 21 июля 1918 г. председатель Временного Бюро татарского парламента (Курултая) А.Х. Хильми и его единомышленник А.С. Айвазов (за которыми явно стоял Дж. Сейдамет) отметили, что татары – "наиболее старинные господа Крыма" и посему следует восстановить их "владычество". Эти деятели выдвинули следующие пункты: "1) преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого крымского ханства у Германии, ее союзников и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских; 4) водворение татарских правительственных чиновников и офицеров, проживающих в Турции, Добрудже и Болгарии, обратно в Крым; 5) обеспечение образования татарского войска для хранения порядка в стране; 6) право на возвращение в Крым проживающих в Добрудже и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение". Далее в обращении подчеркивалось: "Турецкий и мусульманский мир готовятся к политическому союзу с Великой Германской Империей, своей спасительницей, принеся в жертву сотни тысяч людей, и в дальнейшем готовы принести жертвы в еще большем масштабе, чтобы укрепить навсегда достигнутое могущественное положение. В то время как Россия, его великий исторический враг, погибла и дорога в Индию, свободная для Германии, поколебала твердыню Англии, мусульманский мир находит силу в твердой решимости тех магометан, которые в Крыму и на Кавказе в течение столетий были лишены чести иметь право умереть за свои стремления и надежды"²⁷. В печати прогерманская ориентация обосновывалась более острожно – необходимостью борьбы против большевиков и "английского империализма".

Этот меморандум, как и обращение за подписью трех лиц (П. Штолль, А.Я. Нефф и Э. Штейнвальд), именовавших себя Центральным Управлением Германской связи Края (Центральный комитет Союза немцев в Крыму), от имени "немецкого населения" высказавших солидарность "с татарами в отношении об отделении полуострова от Великороссии и Украины и образовании из него особой государственной единицы", испрашивая у Берлина "защиты и помощи"²⁸, был тайно привезен Дж. Сейдаметом в

Берлин, но остался безответным. С той же целью без ведома Совета Министров А.С. Айвазов, дипломатический поверенный, аккредитованный при МИДе, был им направлен в Турцию. Не исключалась поддержка этих маневров со стороны премьер-министра.

Действия Сейдамета и политика Сулькевича вызвали возмущение В.С. Татищева и других министров. Разразился правительственный кризис. 11 сентября подают прошение об отставке В.С. Налбандов и С.В. Горчаков, 12 сентября – Т.Г. Рапп и полковник П.Н. Соковнин (ставший в августе министром народного просвещения и исповеданий), 2 октября – В.С. Татищев, вернувшийся из безуспешной поездки в Берлин. Правительство стало заполняться ставленниками Сулькевича, в том числе и литовскими татарами. Крымских татар в нем стал представлять М.М. Кипчакский (краевой контролер).

По мнению К.К. Линева и В.Ф. Шарапы, правительство Сулькевича "уже в сентябре 1918 г. находилось в состоянии летального исхода" и только "поддержка оккупационных германских властей продлила эту агонию до середины ноября 1918 г."29 .

Крайне сложными оставались отношения с Украинской Державой. Гетман П.П. Скоропадский требовал присоединения полуострова к Украине. Против Крыма была развернута таможенная война, что привело к серьезным экономическим проблемам на полуострове, украинские войска заняли часть Арабатской стрелки и Перекоп. У Перекопа дело дошло до перестрелок пограничников обеих сторон30 . Германское командование периодически с целью давления на Краевое правительство грозило "передать Крым Украине", но вряд ли на самом деле стремилось к этому. Конфликт же между Крымом и Украиной, занятыми германскими войсками, совершенно был ему не нужен, поэтому командование было крайне заинтересовано в урегулировании украинско-крымских отношений и начале переговоров между двумя сторонами.

16 сентября Г. Кош в ультимативной форме передал Краевому правительству указания германского командования в Киеве, потребовав дать ответ до 17 часов. Они заключались в следующем: Крымское правительство не является государственным, а именно краевым, без собственного министра иностранных дел и без права политических отношений с другими государствами; "политическое соединение Крыма с Украиной" возможно "на основах автономного внутреннего управления" Крыма, причем "норма соединения должна быть разработана совместно с представителями Украинского Правительства"; Краевое правительство должно состоять "на равных началах из русских, татар, немцев"31 .

В 18 часов 15 минут того же дня на заседании Краевого правительства в присутствии представителя Германского имперского хозяйственного ведомства тайного советника Видфельда, представителей Киевского военного округа германских войск майора фон Девица, капитана принца Рейса, капитана Зигмунта и лейтенанта Кумрова было решено поручить посредничество по организации переговоров с Украинской Державой Видфельду и Девицу, а также сформировать крымскую делегацию для участия в них32 .

17 сентября Совет Министров уведомил Г. Коша о том, что, хотя правительство в своей Декларации "объявило себя Краевым, а не Государственным", оно "поставило своей задачей сохранение самостоятельности Края до выяснения международного его положения"; "политическое соединение Крыма с Украиной" может быть установлено на "этих лишь основаниях", однако "такому соединению не противоречило бы общее Министерство Иностранных Дел с участием в нем Крыма и с представительством последнего в посольствах и консульствах Украины"; принцип пропорционального представительства русских, татар и немцев "всегда соблюдался и изменять его не предполагается Советом [Министров] и ныне"33 .

Переговоры между Краевым правительством и Украинской Державой начались в Киеве 5 октября³⁴. В их ходе (германское верховное командование представлял принц Рейс) украинская сторона предложила, чтобы Крым вошел в состав Державы на правах широкой автономии, крымская – настаивала на федерации. Компромисса достигнуть не удалось. Однако Украиной была приостановлена таможенная война, ее части покинули крымскую территорию, а делегация Краевого правительства отметила, что теперь Украина "считается с фактически существующим положением, в силу которого Крым является отдельным, независимым от Украины самостоятельным краем"³⁵.

Чем характеризовалась внутренняя жизнь полуострова? Хозяйство Крыма, несмотря на экстремальность ситуации, сохраняло жизнеспособность. Не питавший симпатий к Сулькевичу и его политике В.А. Оболенский писал: "...Вспоминая теперь, как жилось в это время обывателям в Крыму, я должен признаться, что жилось сносно, лучше, чем в предыдущие и последующие периоды революции и гражданской войны в Крыму"³⁶. Краевое правительство, избегая крупных реформ, в самой широкой степени использовало методы государственного регулирования экономики.

Правда, инфляция, хотя и не достигла пока в Крыму галопирующего уровня, сильно сказывалась на благосостоянии населения. Свидетельство тому – забастовки рабочих на Морском заводе Севастополя, портовых рабочих Керчи (май–июнь), рабочих табачных фабрик Феодосии (июнь, август), железнодорожников (июль–август), аптечных работников Ялты и Севастополя (август), типографских рабочих в Симферополе (сентябрь) и др. Германскому командованию – истинному хозяину положения в Крыму – забастовки, разумеется, не нравились, особенно если они непосредственно задевали его интересы. Так, командование расценило отказ от работы железнодорожников как выступление против германских войск и пригрозило суровыми карами. Не без основания оно опасалось агитации большевиков среди своих войск. 11 сентября 1918 г. московская "Правда" сообщила о том, что 28 июля на известном крейсере "Гебен", находящемся в Севастополе на ремонте в сухом доке, собрался тайный матросский митинг, обнаруженный офицерами. 60 человек арестовано, часть из них расстреляна, остальные заключены в тюрьму. После этого команде запрещено сходить на берег.

Для значительной части населения появление на полуострове германских войск означало восстановление относительного спокойствия и порядка. В.А. Оболенский вспоминал: "...под властью железной немецкой руки жизнь, взбудораженная революцией, начинала приходить в норму, население принялось за работу, стало платить налоги. Торговля налаживалась, цены росли умеренно"³⁷. "Прошло всего два месяца со времени немецкой оккупации, – продолжает он, – а внешняя сторона жизни уже наладилась совершенно. Незаметно было никаких следов анархии"³⁸. Оболенскому вторит другой очевидец событий в Крыму, служащий Межевого управления Н.А. Епанчин: "Надо сказать, что после "товарищей" мы имели возможность жить в полной безопасности, не страшаясь обысков, арестов и пр."³⁹. Видный кадет М.М. Винавер, которого трудно заподозрить в прогерманских симпатиях (известно его неприятие германской ориентации, отстаиваемой лидером кадетов П.Н. Милюковым), отмечает, что вслед за германскими отрядами появились всюду почтовые отделения "и маленькие немецкие лавочки с немецкими книгами, немецкими газетами" – вестниками из зарубежного мира, "отгороженного от нас дотоле непроницаемой стеной". Здесь имелись и рекламные проспекты и "солидные издания немецких классиков, можно было и просветиться относительно успехов техники за военное время. Завоевание было мирное. Массовый обыватель был этим оборотом дела доволен. Главным образом потому, что немцы одним продвижением своим теснили – по крайней мере наружно, большевиков, расположившихся было в крае..."⁴⁰.

Но для того же Оболенского "и глубоко оскорбительно было для национального чувства видеть на станциях фигуры немецких солдат и офицеров и осознавать, что восстановлением культуры и порядка мы обязаны им, что уйди они завтра, и мы

снова погрузимся в бездну дикости и анархии". Он "не мог примириться с мыслью об унижительном для России возрождении на острие победоносного немецкого штыка. Нет, в тысячу раз лучше пережить еще раз весь ужас анархии или большевистской государственности, чем так покорно расписаться в своем национальном бессилии"⁴¹. Н. А. Епанчин подчеркивает: "Полицейский порядок был полный, но нравственно настроение было, конечно, угнетенным: ведь мы оказались, как-никак, "подданными Вильгельма". Он приводит слова одной своей знакомой: "Когда ее спрашивали, как она себя чувствует при немцах, она говорила: "Спится лучше, но чувствуется хуже"⁴².

К Крыму вполне применимы слова У. Черчилля, высказанные им в отношении Украины: "Достаточно угостить любое население дозой коммунизма, чтобы оно приветствовало любую форму цивилизованной власти, хотя бы и самую суровую. После прибытия германских "стальных шлемов" жизнь опять стала сносной. Надо было только подчиниться, жить спокойно и повиноваться: после этого все шло гладко и как следует. Население считало, что под железной пятой иностранных солдат живется лучше, чем при неустанных преследованиях, организуемых жрецами негодяев и фанатиков"⁴³.

Но нельзя не отметить случаи вмешательства немецких военных в дела гражданских властей. Так, Симферопольская городская управа жаловалась командованию на комендатуру: "С момента появления в Симферополе германских войск городскому самоуправлению предъявляется ряд требований. Они делаются все разнообразнее и все растут. Растет и вмешательство во внутренние дела города. Необходимо принять меры к восстановлению известных границ обязательных и необязательных повинностей"⁴⁴.

Недовольство действиями германских военных выражают крымские социалисты, находившиеся в оппозиции к правительству Сулькевича. Таврический областной комитет РСДРП в своем письме от 18 октября 1918 г. в адрес ЦК Независимой социал-демократической партии Германии с горечью констатировал: "Местной печати предъявлены германским командованием двадцать два пункта, обсуждение которых в печати не допускается. Эти двадцать два пункта, обнимая собой все стороны как внешней, так и внутренней политической жизни, низвели местную печать до положения безгласных органов, лишенных возможности освещать текущие события". Командование запретило перепечатывать материалы не только из газеты "Форвертс" – центрального органа Германской социал-демократической партии, но и из умеренно-либеральной "Фоссише Цейтунг", буржуазной "Берлинер Тагеблатт". "Не допускаются не только критика Брест-Литовского договора, но и все, имеющее к нему отношение; запрещено касаться положения на Украине. Не допускается не только для критики, но и для сухого изложения многие факты внутренней жизни, не имеющие никакого отношения ни к германскому командованию, ни к престижу Германии".

"Крымское командование запрещает местной печати пользоваться материалами, открыто печатаемыми в украинских газетах. Местные газеты принуждаются к печатанию заметок, а иногда статей, предлагаемых местными германскими властями (например, о вопросах, связанных с местными стачками на почве экономических требований); принудительно печатаются объявления, призывающие местное население к доносам за вознаграждение". Цензура свирепствует, приостанавливался выпуск социал-демократической газеты "Прибой" и эсеровской "Вольный Юг" (Севастополь), но "буржуазная пресса находится в привилегированном положении, и ей часто разрешается печатание сведений и заметок, которые не допускаются в социалистической прессе", – жалуются далее меньшевики.

Кроме того, "за председательствование на собрании, созванном, якобы, без разрешения германских властей", но с согласия гражданской администрации, на 20–

дневный срок подвергся заключению председатель Севастопольского комитета РСДРП Н.Л. Канторович.

Свое письмо крымские социал-демократы завершают такими словами: "Доводя об этом до вашего сведения, мы надеемся, что Центральный Комитет Независимой соц.-демократической партии примет меры для освещения происходящего здесь, в Крыму, положения и для смягчения существующего административного гнета"⁴⁵ .

Жителей полуострова не могло также не раздражать стремление германского командования как можно больше вывезти из Крыма продовольствия и оборудования, необходимого для продолжения Германией военных действий.

Уже через неделю после занятия Севастополя германскими военными из кооперативных складов были увезены 500 000 банок консервов, четырехмесячные запасы сахара, 900 пудов чая. Из всех мельниц и складов изымались имевшиеся там запасы хлеба. Это не могло не вызвать ухудшения положения с продовольствием на полуострове. Ситуацию к тому же усложнял запрет украинского правительства на ввоз хлеба в Крым. В результате начался рост цен на продукты питания. Попытки правительства убедить командование поумерить аппетиты осаждались грубыми окриками.

Забиралось все, что можно было забрать. Только из Севастопольского военного порта вывезено различных запасов на 2 миллиарда 550 миллионов рублей. В Германию переправлялось оборудование Симферопольского аэропланного завода Анатра, Керченского металлургического завода, готовые аэропланы и запасные части к ним, радиостанции, автомобили, телеграфное оборудование⁴⁶ . Отправлялось в Германию имущество бывших дворцов императорской фамилии на Южном берегу Крыма. Так, 30 июня 1918 г. вахмистр Водрих, явившийся с группой солдат в имение "Ливадия", приказал вывезти мебель из парадного кабинета Николая II и некоторые вещи, составляющие личную собственность императрицы Александры Федоровны. На протест заведующего дворцом Б.Б. Рудзинского вахмистром было заявлено, что ему поручено забрать обстановку, которую он сочтет подходящей. Среди изъятого оказались диван, кресло, стулья, столы, комод, вазы, персидские ковры, картины, в том числе две кисти И. К. Айвазовского⁴⁷ . С царской яхты "Алмаз" содрана вся обшивка, похищена мебель .

Ценности Бахчисарайского ханского дворца расхищались офицерами 7-го егерского полка. Проследовавшие через Бахчисарай немецкие воинские части похитили разного дворцового имущества на сумму в 2785 рублей⁴⁸ .

М.М. Винавер вспоминал: "Генерал Кош распорядился отправкою в Берлин ежедневных поездов, нагруженных обстановкой императорских дворцов и яхт и многообразным крепостным и портовым имуществом Севастополя. Солдаты-немцы ежедневно отправляли родным маленькие посылочки с хлебом и другими продуктами края..."⁴⁹ .

Мрачное зрелище представляла гостиница "Гранд-Отель" в Севастополе. В акте от 17 декабря 1918 г. комиссией Севастопольской городской управы по установлению убытков, причиненных германцами, отмечалось: "Впечатление, которое производит гостиница, не поддается никакому описанию, настолько испорчены все помещения и инвентарь; трудно даже предположить, что в этих помещениях жили люди и только что его освободили"⁵⁰ .

Однако действия германских военных в те годы не идут ни в какое сравнение с жесточайшим оккупационным режимом, установленным немецким командованием в Крыму в 1941-1944 гг.

Тем временем Турция, Австро-Венгрия и Германия стремительно катились к военному поражению и общественным потрясениям. Экономические показатели поползли вниз.

Под боком действовала Добровольческая армия. Все эти разнородные факторы сильнейшим образом сказывались в крымской общественно-политической среде.

Отношение различных партий от кадетов до социалистов к правительству Сулькевича оставляло желать лучшего. Его обвиняли в восстановлении порядков царского времени, авторитарном правлении, протатарской политике, "сепаратизме", выражавшемся в попытках создать государственность на крымской земле, и т. д.

"Все, кроме татар, – несколько утрируя, пишет В. А. Оболенский, – принимавших всерьез его лубочно-национальный фасад, относились к нему враждебно, одни за реакционность, другие за германофильство и сепаратизм, третьи за особые дефекты, связанные с личностью его главы, генерала Сулькевича. Говорили о неимоверно процветанием во всех городах Крыма игорных притонов, и "знающие" люди по секрету сообщали знакомым о том, что владельцы этих притонов связаны какими-то таинственными нитями с главой правительства. Возможно, что эти слухи были недостаточно проверены, но во всяком случае непопулярность правительства росла не по дням, а по часам"⁵¹ .

Журналисты, проклиная существующую цензуру, не жалели самых темных красок, перечисляя грехи режима. "Все правление г. Сулькевича проникнуто антидемократическим духом", – настаивал один из них в газете "Крымский вестник" 22 октября. На тех же страницах ему вторил другой: "Старый, затхлый бюрократический режим наложил на миропонимание ген. Сулькевича отпечаток прочный, неистребимый. Его методы "управления", его орудия воздействия носят прежний полицейско-бюрократический характер... (...) Каким недомыслием, какою наивностью надо обладать, чтобы считать такое полицейско-благополучное житие возможным в настоящее время!".

Сулькевич мог бы сделать ставку на крымскотатарское национальное движение, но оно переживало серьезный кризис, фактически расколовшись к осени 1918 г.⁵²

Апатия наблюдается и среди немецкого населения Крыма. После выхода из правительства Сулькевича В.С. Налбандова и Т.Г. Раппа, немецкие представители в составе данного кабинета не участвовали. К концу 1918 г. из трех ранее существовавших на полуострове немецких организаций осталась лишь одна – Союз крымских немцев, руководство в котором принадлежало А.Я. Неффу, Т.Г. Раппу и другим⁵³ .

17 октября в Ялте на квартире кадета Н.Н. Богданова, бывшего губернского комиссара Временного правительства, кадетское руководство, предварительно заручившись согласием начальника штаба германских войск в Киеве фон Энгелина, окончательно определяет судьбу правительства Сулькевича. Оппозиция приступает к действиям.

18 октября трехдневный съезд губернских гласных и городских голов, представителей земских управ потребовал "немедленного отказа от власти" Сулькевича и формирования нового Крымского краевого правительства во главе с феодосийским землевладельцем и предпринимателем, кадетом С.С. Крымом (караим), бывшим членом Государственного совета от Таврической губернии, депутатом II и IV Госдум.

Генерал еще пытается удержаться у власти, шарахаясь от кнута к прянику. Он телеграфирует командующему Добровольческой армией А.И. Деникину, безуспешно пытаясь оформить подобие какого-то союза. Вынашивает планы разгона земского съезда – но сил нет. Опечатывает 19 октября типографии оппозиционных газет

"Прибоя" и "Крымского вестника", но германские власти, отвернувшись от своего бывшего протеже, распоряжаются о снятии печатей и выпуске газет.

В тот же день правительство Сулькевича объявляет о созыве Краевого парламента на 7–10 декабря, создает комиссию во главе с М.М. Кипчакским по организации выборов; 22 октября – заявляет о воссоздании волостных земств; 24-го – о восстановлении полномочий городских дум и земских собраний. Сулькевич согласился на "образование нового кабинета, опирающегося на все элементы населения", с обязательным представительством от национальных групп. Провозглашается "полная свобода печати".

31 октября комиссия начала работу, решив созвать Сейм не позднее 1 января 1919 года. Но кабинет Сулькевича был обречен. 3 ноября Р. Кош заявил об отказе от его поддержки.

7–10 ноября новый съезд земцев потребовал создания демократического правительства, которое немедленно предприняло бы шаги к "установлению связи и соглашению с образовавшимся в Уфе правительством в целях ускорения дела объединения всех возникших новых государственных образований и возрождения единой России на демократических началах". Съезд обвинил Сулькевича во всевозможных грехах: "полной несостоятельности во всех областях управления", "полном отрицании общественных интересов и демократических начал", неумении навести порядок и т. д. и т. п.⁵⁴ .

Травимый теперь Сулькевич уходит в отставку и покидает Крым, направляясь в Азербайджан, где был назначен начальником Генерального штаба азербайджанской армии. После вступления в Баку 11-й армии Советской России в 1920 г. он был арестован и расстрелян.

15 ноября 1918 г. приступает к деятельности второе Крымское краевое правительство под председательством С.С. Крыма (1867–1936), где были представлены кадеты, в том числе фигуры всероссийской известности В.Д. Набоков и М.М. Винавер (члены ЦК), эсер, член партии "Единство", беспартийные. Это правительство ориентировалось на Добровольческую Армию и Антанту, имело более широкую общественную поддержку⁵⁵ .

Декларация нового Крымского краевого правительства от 14 ноября – документ краткий и довольно обтекаемый. Он декларировал единую и неделимую Россию как "свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех народностей, его населяющих", экономический подъем. Правительство понимало под "стремлением к возрождению единой России" "не старую бюрократическую, централизованную Россию, основанную на подавлении и угнетении отдельных народностей, а свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих". И далее: "Правительство почтет своим долгом обеспечить интересы всех национальностей Крыма, в частности, оно озаботится удовлетворением справедливых стремлений и законных интересов многочисленной татарской части населения"⁵⁶ .

Второе Краевое правительство принципиально создавалось как временное. Оно должно было исчезнуть с появлением правительства всероссийского. Следовательно, от кабинета С. С. Крыма не было смысла ожидать сколько-нибудь существенных реформ. Да оно и не ставило перед собой таких целей.

На новую власть после "реакционного курса" Сулькевича возлагались большие надежды. По мнению одного из лидеров крымских кадетов Д.С. Пасманика целями правительства С.С.Крыма, охарактеризованного "идеально честным общественным деятелем и глубоким русским патриотом"⁵⁷ , были выработка образца "для

оздоровления всей остальной России", создание совершенной формы "гармонического сотрудничества демократической гражданской власти и военного командования, ведущего вооруженную борьбу с красной армией"⁵⁸ .

Учитывая, что германские войска стремительно разлагаются⁵⁹ и постепенно покидают полуостров, новый кабинет просит А.И. Деникина срочно ввести в Крым части Добровольческой армии, вскоре здесь появившиеся.

Хотя руководство Добровольческой армии 22 ноября официально заявило, что армия "не намерена вмешиваться в область деятельности Крымского правительства, но, если понадобится, во всякое время окажет ему помощь вооруженной силой"⁶⁰ , действительность оказалась совершенно иной. Военные зачастую совершенно не считались с кабинетом С.С. Крыма, их поведение, репрессии в отношении местных жителей, зачастую совершенно необоснованные, не могли не возмущать население полуострова .

В хранящейся в ГААРК "Справке о деятельности Крымского правительства и причинах его падения, составленной министром внешних сношений М.М. Винавером" он отмечал: "Д.А. [Добровольческая армия. – В. З.] не могла прислать в Крым сколько-нибудь значительных сил, а по качеству своему отряды, присланные в Крым, особенно в Ялту, были таковы, что поведением своим вызывали негодование со стороны всего мирного населения. Отряды эти сочли себя вправе взять в свои руки расправу с теми, кого они признавали большевиками, и самовольными убийствами, арестами, разгромом типографии газеты [меньшевистской "Прибой" в Севастополе. – В. З.] вызывали во всем населении Крыма крайне недружелюбное отношение. Репрессий [в отношении этих отрядов. – В. З.] со стороны командования ДА, невзирая на настояния Правительства, не последовало"⁶¹ . При этом правительство должно было скрывать свои разногласия с командованием Добровольческой армии.

26 ноября на рейде Севастополя появилась эскадра Антанты – 22 судна, английских, французских, греческих и итальянских. На борту кораблей находились английская морская пехота, 75-й французский и сенегальский полки, греческий полк.

Эскадру прибыли встречать правительство в полном составе, представители общественности, военные. Союзное командование заставило министров довольно долго ждать приема. Командующий Средиземноморской эскадрой английский адмирал Кольторп заявил, что не знает о признании крымского правительства Великобританией. Он явно не имел понятия о Краевом правительстве. В.А. Оболенский констатировал: "Невольно напрашивалось сравнение с немцами, которые вступали полгода назад в Крым в полной осведомленности о всех местных делах..."⁶² . Впоследствии правительство было признано, и ему обещана вооруженная поддержка.

В Севастополе расположилось морское и сухопутное командование войсками Антанты. На берег первоначально высадился английский десант в 500–600 человек, затем – французский – в 1600. Всего к началу 1919 года здесь сосредоточилось, по всей видимости, до 5,5 тысячи десантников, включая до 3 тысяч французов и 2 тысяч греков. Отдельные суда и небольшие отряды расположились также в Евпатории, Ялте, Феодосии и Керчи.

Для более тесного контакта с иностранным командованием в декабре в Севастополь переехал министр внешних сношений Краевого правительства М.М. Винавер, разместивший тут свою канцелярию.

Англия и Франция заранее разделили между собой Юг России на зоны влияния. Сфера французских интересов включала Украину, Бессарабию и Крым, английских – Дон, Кубань, Кавказ. Одной из целей стран Антанты были гарантии вложенных в эти регионы капиталов. Францию привлекали украинские уголь и железная руда, Англию –

кавказская нефть. Предусматривалось оказание помощи Добровольческой армии. Крым рассматривался как удобный военный плацдарм. Тактика союзников беспрерывно корректировалась в зависимости от непредсказуемых изменений ситуации в России, Украине и пр. и внутривосточных коллизий в самих странах Антанты.

По мнению М.М. Винавера, прибывшим на полуостров командующим иностранными войсками "поручено было прежде всего ликвидировать немецкую оккупацию Крыма, и в частности увести оставшиеся в Севастопольском порту суда, дабы их с уходом немцев не захватили большевики. В этой комбинации большевики упоминались ясно; но ни о каких других действиях против большевиков начальники, по-видимому, и не помышляли. При таких условиях приходилось думать не об использовании готовых к действию сил, не знавших только, куда им приложиться (как мы это полагали), а о внушении кому надо, что случайно оказавшиеся в нашем распоряжении силы должны быть направлены к более общей, видимой нам, но неясной союзникам цели"⁶³, то есть борьбе с большевизмом.

В другом месте Винавер, сравнивая действия войск Антанты и Германии в Крыму, с горестью замечает: "Появления в любой местности одного немецкого Schutzmann`а или солдата было достаточно, чтобы грозный исполком, состоящий из мальчиков и бандитов, провалился сквозь землю.

В этом состояла тогда вся проблема интервенции. И кто знает: если бы этот секрет тогдашней интервенции понят был полгода спустя нашими союзниками, может быть, судьбы Европы получили бы другое направление"⁶⁴.

На первых порах командование иностранными войсками ограничилось полной ликвидацией немецкого оккупационного режима и выводом русских кораблей из Севастополя. 5 декабря эскадренные миноносцы "Дерзкий", "Счастливый", "Беспокойный", "Капитан Сакен", линкор "Воля", прочие суда были угнаны в Мраморное море. Военное имущество, оставшееся в Севастополе после ухода немцев, на сумму свыше 5 миллиардов рублей было также вывезено. Командование эскадрой, после ряда смен, перешло к адмиралу Амету, сухопутными войсками руководили полковники Рюе, затем – Труссон.

В дальнейшем союзные войска занимались главным образом поддержанием порядка (содействие в уголовном розыске, поимка большевиков, охрана тюрем, патрулирование, прежде всего "неблагополучных" городских районов), поставками оружия и обмундирования. Артиллерия иностранных кораблей использовалась при разгроме партизанского отряда "Красная каска", базировавшегося в Мамайских каменоломнях под Евпаторией (январь 1919 г.). Союзники по просьбе Винавера участвовали в подавлении забастовки в Севастополе (15–22 марта 1919 г.). Тогда действия бастующих непосредственно затронули интересы интервентов: рабочие прекратили ремонт французского дредноута "Мирабо", остановились предприятия, выполняющие военные заказы. Командование иностранными войсками издало приказ с угрозами в адрес забастовщиков, потребовав возобновить работу. По городу ходили усиленные патрули греческих солдат и африканцев сенегальского полка французской армии. На улицах устанавливаются орудия, на крышах домов – пулеметы. Французские войска занимают электростанцию, водокачку, ряд предприятий. Однако в целом, несмотря на неоднократные просьбы Крымского краевого правительства и лично министра внешних сношений, помощь союзников была достаточно скромной. При этом они получали от правительства продовольствие, на ремонт казарм было отпущено 500 тысяч рублей⁶⁵.

Кабинет С.С. Крыма бомбардировал морское и сухопутное командование иностранных войск, русского посла во Франции, кадета В.А. Маклакова, с его обширными связями, – записками и телеграммами, красной нитью через которые проходила просьба: союзники, окажите непосредственную военную поддержку, защитите Перекоп,

защите Крым. Правительство предлагало переместить союзнические гарнизоны в глубь полуострова – тысячу человек расположить в Симферополе, по 500 – в Евпатории и Феодосии, по 300 – в Карасубазаре (Белогорске) и Джанкое, по 100 – в Перекопе и Таганаше (с. Соленое Озеро Джанкойского района). Но антантовское руководство, сберегая силы и чувствуя за своей спиной растущее недовольство интервенционистской акцией, воздерживалось от участия в боевых действиях. Только в марте 1919 г. греческий отряд был направлен на Перекопский перешеек, но, меланхолически констатирует М.М. Винавер, "было уже поздно..."⁶⁶ .

Еще одним шагом Краевого правительства, направленным на завоевание симпатий союзников и их "информационное обеспечение" (военные не совсем адекватно воспринимали все перипетии происходившего на полуострове, как и сам русский (крымский в целом) менталитет), было издание печатных органов на французском и английском языках: "Бюллетень" и "Последние Новости".

Имелись проблемы и во взаимодействии между командованием иностранными войсками и командованием Добровольческой армии. "Взаимоотношения двух действовавших на нашей территории воинских сил, – пишет М.М. Винавер, – Добровольческой и союзнической – складывались довольно своеобразно. В Симферополе сидел главноначальствующий русской армии, а в Севастополе – главноначальствующий союзнической армии и главноначальствующий союзного флота. От Симферополя до Севастополя два часа езды. И за четыре месяца, до половины марта 1919 года, ни главноначальствующий русской армии, ни его начальник Штаба н и р а з у не вели деловой беседы с начальниками союзнических сил. (...) Для связи с союзниками командование ДА ограничилось назначением в Севастополь приблизительно в январе месяце полковника барона Нолькена, сравнительно молодого, весьма благовоспитанного человека, в задачи которого могло входить в лучшем случае информирование ДА о том, что происходит в Севастополе, а отнюдь не самостоятельное, от имени ДА, согласование военных планов с союзниками"⁶⁷ .

В то же время Главнокомандующий А.И. Деникин и его помощник А.С. Лукомский, через голову Краевого правительства, вели прямую переписку со штаб-квартирами союзников в Бухаресте и Одессе. В одном послании последним было предложено содействие – "правильно ориентироваться в современном политическом положении Крыма", в другом – "Главнокомандующий признал желательным ввести в Крым военное положение..."⁶⁸ . Союзники, однако, ответили отказом. Командующий Крымско-Азовской армией генерал-майор А.А. Боровский довел до сведения Деникина, что "Французское Командование считается-де главным образом с местным правительством и указывает, что ДА находится в Крыму исключительно для поддержания порядка и спокойствия; и что оно... против введения военного положения, считая однако вполне возможным, чтобы Министерству Внутренних Дел были предоставлены чрезвычайные полномочия по принятию различных мер, равносильных введению военного положения"⁶⁹ (на что Главнокомандование пойти не пожелало. – В. З.).

Как были встречены населением в Крыму войска Антанты? Обратимся к свидетельству рядового участника событий: "Наконец-то прибыли в Ялту сегодня первые представители союзников, английский миноносец "Senator" и французский "Dehorter". Как только сменился с поста, сейчас же побежал на мол. Тут... целое море голов. Оба судна обсыпаны публикой, с интересом рассматривающей долгожданных союзников. Сами союзники, английские и французские моряки, тоже в свою очередь облепили перила и с любопытством изучали нас русских". (...) Вечером "весь город, верней, все главные кафе забиты ялтинской публикой и иностранными матросами и офицерами. Их угощают, как друзей и освободителей, так как уверены теперь, что скоро будет finish большевикам. Повсюду радость и веселье. Радость необыкновенная. (...) Но настроение такое только у так называемой буржуазии и интеллигенции, у рабочих же совсем не то, и идя вечером домой, мне пришлось слышать ропот негодования против притянутых "иностранных

наемников"⁷⁰ . Вскоре начал раздаваться ропот жителей Севастополя, вынужденных уплотняться, чтобы обеспечить жильем иностранных военных.

Протест рабочих против явления Крыму войск Антанты не ограничился ворчанием. 15 декабря в Севастополе прошла двухдневная забастовка грузчиков, не желавших работать на интервентов. 17 декабря была открыта стрельба по зданию штаба флота (обстрелы антантовских патрулей стали нередким явлением). 19 декабря – совершенно нападение на тюрьму, где стояла иностранная охрана. 23 декабря обстрелу подверглись уже сами корабли.

Отрицательно оценивали прибытие союзников и крымские социал-демократы.

Второе Крымское краевое правительство не смогло выполнить декларируемых целей. Экономическая ситуация ухудшалась, недовольство населения росло. Кабинету, в составе которого не было ни одного крымского татарина, не удалось привлечь на свою сторону в массе крымских татар, противящихся мобилизациям и с антипатией относящихся к Добровольческой армии⁷¹ . 13 декабря 1919 г. Бюро крымскотатарского парламента резко выступило против призыва мусульман. 23 февраля правительство обвинило Бюро в связях с Турцией с целью отделения Крыма от России и образования на полуострове независимого ханства. Начались аресты активистов национального движения, произведены обыски у отдельных членов Бюро, в помещениях, занимаемых им и Директорией, редакциях национальных газет. Эти действия вызвали протесты крымских татар, в том числе и Бюро, заявившего, что произведенное властями насилие напоминает "худшие времена самодержавного режима"⁷² .

Правительство пыталось привлечь на свою сторону и крымских немцев. 27 марта 1919 г. Совет Министров постановил "образовать егерскую бригаду немцев-колонистов", которая должна подчиняться Крымско-Азовской армии (в составе Добровольческой армии). Объявлялось, что "бригада формируется Крымским краевым правительством для защиты края и поддержания порядка и не преследует никаких целей политического характера", ее личный состав "формируется исключительно из лиц немецкого происхождения, как русских граждан, так и иностранцев на одинаковых с русскими гражданами условиях", ее офицерский состав пополняется командованием бригады по соглашению с правительством, а командующий бригадой назначается командованием Добровольческой армии по соглашению с правительством, которое обещало выплачивать чинам бригады добавочные суточные за время нахождения на фронте⁷³ .

Условия военного времени, давление командования Добровольческой армии вынудили Краевое правительство с начала 1919 года отказаться буквально от всех своих демократических начинаний. Власть стремительно теряет авторитет. В марте – апреле 1919 г. меньшевики и социалисты-революционеры на своих собраниях отказывают Краевому правительству в доверии.

Несмотря на репрессии, большевики активизируют свою деятельность в подполье, формируют вооруженные отряды, самым известным из которых была уже упомянутая "Красная каска", ведут агитацию среди иностранных войск.

К апрелю 1919 года Краевое правительство оказалось в состоянии глубокого политического кризиса, усугубленного экономической разрухой и неумением с ней справиться. Кабинет С.С. Крыма стал своеобразным заложником самоубийственной стратегии и тактики Главного командования Добровольческой армии, вывеской над интервентами и белыми, лишенной, как и любая вывеска, сколько-нибудь самостоятельного значения.

29 марта 1-я Заднепровская (3-я Украинская) советская стрелковая дивизия под командованием П.Е. Дыбенко вышла к Перекопу, который без особых трудностей был взят 4 апреля.

10 апреля члены правительства с семьями прибывают в Севастополь, готовясь к отъезду из Крыма. Однако командующий сухопутными войсками Антанты полковник Труссон поставил министрам ультиматум: или они вернут прихваченную было с собою казну, или никуда не уедут. Пришлось отдать французам ценности, вывезенные из Краевого банка, казначейства в Севастополе и 7 миллионов рублей. 15 апреля министры с семьями на греческом судне "Надежда" отплывают в Пирей.

11 апреля Заднепровская дивизия была уже в Симферополе и Евпатории. 13 апреля, овладев Ялтой и Бахчисараем, она вышла к Севастополю. 15-го Труссон начал переговоры с красными. Французские моряки сражаться отказываются. 20 апреля на французских боевых кораблях "Мирабо", "Жане Барт" и "Франс" подняты красные флаги; состоялась совместная демонстрация матросов и рабочих, обстрелянная лояльными греческими частями. На следующий день Труссон заявил, что силы Антанты покидают Севастополь. Власть в городе перешла в руки военно-революционного комитета. Однако англичане и французы спешно разоряют мастерские и склады в районе Троицкой балки, вывозя наиболее ценное оборудование, англичане взрывают цилиндры линкора "Иоанн Златоуст", машины русских боевых кораблей и транспортов, похищают с судов военное имущество⁷⁴. 29 апреля красные войска занимают Севастополь. Празднование 1 мая совпало с уходом эскадры союзников из Севастопольской бухты. Добровольческая армия сохранила за собой Керченский полуостров.

События второй половины 1918 – первой половины 1919 г. свидетельствуют, что внешний фактор в Крыму играл весьма значительную роль. Это подметили уже и современники событий тех лет. По словам поэта М.А. Волошина, написанным в период вторжения германских войск (май 1918 г.), Крым самостоятельным "быть не может, так как при наличии двенадцати с лишком народностей, его населяющих [на самом деле больше. – В. З.], и причем не гнездами, а в прослойку, он не в состоянии создать никакого государства. Ему необходим "завоеватель"⁷⁵.

В то же время командование иностранных войск, появившихся в Крыму, преследовало собственные, зачастую сугубо эгоистичные цели и далеко не всегда учитывало местные реалии, что во многом предопределило падение Крымских краевых правительств.

Различные слои населения по-разному относились к иностранным вооруженным силам. Для имущих классов они, прежде всего, были защитниками от большевизма и гарантами спокойствия и порядка, другие видели в них оккупантов, незваных гостей, вторгшихся на родную землю, восстанавливающих старые порядки, третьи надеялись на получение полноты власти из их рук.

---

*)

1. См.: Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). – Симферополь, 1927; Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. – Симферополь, 1939; Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1957. – Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.); Шамко Е.А. Коммунистическая партия – организатор борьбы трудящихся против иностранных военных интервентов в Крыму (апрель 1918 г. – апрель 1919 г.)//Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. – Симферополь, 1957. – С. 166–187;

- Загородских Ф.С. Борьба трудящихся против немецко-кайзеровских оккупантов в Крыму//Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. – Симферополь, 1958. – С. 5-41; Волков В.П. Большевики в борьбе за разложение войск англо-французских интервентов в Крыму в 1918-1919 гг.//Там же. – С. 42-77; Волков В.П. За власть Советов! – Симферополь, 1963; Чирва И.С. Крым революционный. – Киев, 1963; Очерки истории Крымской областной партийной организации/Пред. ред. колл. Н.В. Вагров. – Симферополь, 1981 и др.
2. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы/Отв. ред. П.Н. Надинский. – Симферополь, 1957. – Том I. (Март 1917 г. – апрель 1918 г.). – С. 268.
3. Известия ВЦИК. 1918. 8 мая.
4. Цит. по: Линева К.К., Шарапа В.Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича//Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1996. – Вып. V. – С. 226.
5. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы/Отв. ред. М.М. Максименко. – Симферополь, 1961. – Том II. (Май 1918 г. – ноябрь 1920 г.). – С. 44.
6. Цит. по: Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. – С. 16-17.
7. На наш взгляд, можно вполне согласиться со следующим определением гражданских войн: это – "доведение борьбы экономических, социальных, политических, идейных, династических, религиозных, племенных, клановых, наконец, личных интересов до уровня вооруженного противоборства в рамках одной страны. (Без внешнего вмешательства зачастую не обходится, однако оно обычно мотивируется поддержкой стороны-участника, а сам интернациональный контекст порождает всевозможные симбиозы, когда межгосударственные конфликты перекрещиваются и сливаются с внутригосударственными" (Зарубин А.Г. Феномен гражданской войны//Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2003. – № 2. – С. 63).
8. Подробнее см.: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – Симферополь, 1997. – С. 57-100.
9. Зарубин В.Г. К вопросу о восстании крымских татар в горном Крыму (1918 г.)//Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 225-235; Зарубин В.Г. Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.)//Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 397-409.
10. Оболенский В.А. Крым в 1917-1920-е годы //Крымский архив. – Симферополь. 1994. – № 1. – С. 74.
11. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919-март 1920. – Минск, 2002. – С. 117.
12. ГААРК. – ф.Р-999.– Оп .2. – Д. 394. – Л.2,5.
13. Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. – С. 15-16; Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917-1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма//Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С. 77-78.
14. Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917-1921 гг. [Документы] //Вопросы развития Крыма (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). Вып. 3. – Симферополь, 1996. – С. 41.
15. Оболенский В.А. Крым в 1917-1920-е годы //Крымский архив. – Симферополь. 1994. – № 1. – С. 77.
16. Там же. – С. 78.
17. Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму. – С. 169-170.
18. ГААРК. – ф.999. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 10-11.
19. Линева К.К., Шарапа В.Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича. – С. 228-229.
20. Крымское краевое правительство в 1918/19 г.//Красный архив. 1927. – Т. 3(22). – С. 105.
21. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – С. 111-113; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крымское краевое правительство

- М.А. Сулькевича и его политика//Отечественная история, 1995. – № 3. – С. 140–141.
22. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. – Том II. – С. 50.
23. ГААРК. – Ф.Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 25.
24. Там же. – Л. 47–47об.
25. Мальгин А.В. Внешняя политика Крымского краевого правительства генерала Сулькевича//Крымский музей. – Симферополь, 1995. – № 1. – С. 57.
26. ГААРК. – Ф.Р-999. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 9.
27. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии 1918–1919 гг.//Приложение к № 57-му Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии. – [Симферополь], [1920]. – С. 27–30.
28. ГААРК. – Ф.Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л.60 об.
29. Линева К.К., Шарапа В.Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича. – С. 234.
30. Зарубин В.Г. К вопросу о территориальном споре между Крымом и Украиной (1918 г.)//Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы. Материалы научно-практической конференции 24–25 мая 1996 г. – Симферополь, 1996. – С. 42–44.
31. Крымско-украинские переговоры. Сборник документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского правительства 26 сентября – 16 октября 1918 г. – Симферополь, 1918. – С. 67.
32. Там же. – С. 62–65.
33. Там же. – С. 68. Совет Министров в своем ответе несколько лукавил. В его составе уже отсутствовали представители крымских немцев, да и Г. Кош настаивал на равном, а не пропорциональном представительстве указанных национальностей. После отъезда Дж. Сейдамета пост министра иностранных дел оставался вакантным. Руководство внешними связями Крыма фактически находилось в руках самого Сулькевича. С 20 октября постановлением Совета Министров дела внешних сношений Крыма поручалось возглавить сменившему П.Н. Соковнину на посту министра народного просвещения и исповеданий Н. В. Чарыкову, бывшему товарищу министра иностранных дел России (1907–1909), послу в Константинополе (1909–1912), участвовавшему в переговорах с украинской стороной в Киеве, с 12 октября ставшему председателем находящейся здесь крымской делегации. Ему также предоставлялось право образовать временную комиссию по внешним сношениям. Это объяснялось особым значением "для интересов и будущего Крыма, создавшегося международного положения, а равно и событий, совершающихся в различных бывших областях Российской Империи, а также осложнившихся отношений между Крымом и Украиной, имея в виду необходимость принять все зависящие меры к наилучшему использованию в интересах Крыма настоящей политической конъюнктуры и учитывая исключительное положение вопроса об управлении в Крыму иностранными делами" (Собрание узаконений и распоряжений Крымского краевого правительства. – Симферополь, 1918. – № 9. – Отдел 1. – 15 ноября. – С. 215–216). Любопытно отметить, что в 1911 г., будучи послом России, Чарыков настоял на выезде из Турции Дж. Сейдамета за издание брошюры "Угнетение татарского народа в 20 в.". 34. Об их ходе см.: Мальгин А.В. Внешняя политика Крымского краевого правительства генерала Сулькевича. – С. 61–62.
35. Крымско-украинские переговоры. Сборник документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского правительства 26 сентября – 16 октября 1918 г. – С. 8.
36. Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы//Крымский архив. – Симферополь. 1994. – № 1. – С. 84.
37. Там же. – С. 85.
38. Оболенский В.А. Крым в 1917–1920-е годы //Крымский архив. – Симферополь, 1996. – № 2. – С. 15.
39. Епанчин Н.А. Крым в 1917–1920-е годы. Воспоминания//Крымский архив. – Симферополь, 2002. – № 8. – С. 158.
40. Винавер М. Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 г.г.). – Париж, 1928. – С. 3.

41. Оболенский В.А. Крым в 1917–1920–е годы //Крымский архив. – Симферополь, 1996. – № 2. – С. 15.
42. Епанчин Н.А. Крым в 1917–1920–е годы. Воспоминания. – С. 158.
43. Черчилль У. Мировой кризис//Мировой кризис. Автобиография. Речи. – М., 2003. – С. 159.
44. Цит. по: Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. – С. 21.
45. Меншевики в большевистской России. 1918–1924/Меншевики в 1918 г. – М., 1999. – С. 640–642.
46. Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. – С. 27–33.
47. Андросов С.А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.)//Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – № 3–4. – С. 132.
48. ГААРК. – ф. Р–2235. – Оп. 1. – Д. 26. – Л.17об.
49. Винавер М. Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 г.г.). – С. 2.
50. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. – Том II. – С. 58.
51. Оболенский В.А. Крым в 1917–1920–е годы//Крымский архив. – Симферополь. 1994. – № 1. – С. 84.
52. Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.)//Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2003. – № 1. – С. 69–70.
53. Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма. – С. 80.
54. ГААРК. – ф. Р – 999. – Оп.1. – Д.163. – Л.90; Ялтинский голос (газета). 1918. 14 ноября; Винавер М. Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 г.г.). – С. 225–226.
55. См. подробнее: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – С. 138–203; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Второе Крымское краевое правительство (ноябрь 1918 – апрель 1919 г.)//Отечественная история, 1998. – № 1. – С. 65–76.
56. Крымское краевое правительство в 1918/19 г. – С. 128–129.
57. Пасманик Д. Революционные годы в Крыму//Крымский архив. – Симферополь. 1999. – № 4. – С. 82.
58. Там же. – С. 84.
59. "...приведя нас "к одному знаменателю", немцы сами понемногу начали развращаться, стали брать поборы и хабары, понемногу утрачивали свою железную дисциплину и, вступив весной в Крым чуть–чуть не церемониальным маршем, уходили из него осенью, "лузгая семечки" (Оболенский В.А. Крым в 1917–1920–е годы//Крымский архив. – Симферополь. 1994. – № 1. – С. 85).
60. Южные ведомости (газета). 1918. 26 ноября.
61. ГААРК. – Р–1000. – Оп. 4. – Д. 21. – Л.6–6 об.
62. Оболенский В.А. Крым в 1917–1920–е годы//Крымский архив. – Симферополь. – 1999. – № 4. – С. 71.
63. Винавер М. Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 г.г.). – С. 92.
64. Там же. – С. 3.
65. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму. – С. 236.
66. Винавер М. Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 г.г.). – С. 101.
67. Там же. – С. 191–192.
68. Там же. – С. 194–195.
69. Там же. – С. 196.
70. Цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – С. 142.
71. Некоторое число татар служило в Крымском конном полку (с февраля 1919 г., командир – литовский татарин полковник Д. И. Туган–Мирза–Барановский), других

формированиях белых (См.: Кручинин А.С. Крымскотатарские формирования в Добровольческой армии. История неудачных попыток//Военно-историческая библиотека "Военной Были". – М., 1999. – № 5 (22)).

72. Зарубин А. Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. – С. 59–62.

73. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. – Том II. – С. 99.

74. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. – Том II. – С. 131–134, 137.

75. Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932). Из неизданного. – СПб., 1999. – Выпуск второй. – С.203.

<http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=82&par=74&l=&art=245>

=====

К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов

А.В.Ишин,

кандидат исторических наук, ученый секретарь НИЦ Крымоведения

После ликвидации внешних фронтов гражданской войны в различных регионах Советской Республики продолжалось ожесточенное сопротивление политике, проводимой военно-партийным режимом РКП(б). Это сопротивление представляло реальную угрозу для самого существования большевистской диктатуры. В научно-исследовательской литературе большое внимание уделялось исследованию проявлений этого сложного социально-политического процесса на Правобережье и Левобережье Украины, в Центральной России, Сибири, Средней Азии, а также в ряде других регионов. При этом проблемы, связанные с продолжавшимся острым гражданским конфликтом в Крыму, который являлся одним из ключевых очагов сопротивления большевизму, остались совершенно неизученными.

Важно отметить, что без всестороннего научного исследования совокупности этих проблем невозможно в полной мере по-новому переосмыслить социально-политическую историю Крыма, в XX веке имевшую особенно сложный и противоречивый характер. А объективное переосмысление этой истории представляется не только полезным, но и остро необходимым в условиях становления демократического Украинского государства.

Организованные и стихийные выступления против режима РКП(б), а также активная (и во многом успешная) деятельность многочисленных крымских антибольшевистских организаций в конце 1920–1925 годов была обусловлена сложным причинным комплексом.

Во-первых, рассмотрим экономическую ситуацию.

После эвакуации войск генерала П.Н. Врангеля (ноябрь 1920 года) Крым находился в состоянии глубочайшего экономического кризиса. В ноябре 1920 года продукция промышленности сократилась по сравнению с 1913 годом в 4,6 раза [1]. Из 420 промышленных и кустарных предприятий работало лишь 270, и то не в полную силу. По сравнению с довоенным уровнем производительность труда упала в три раза [2]. На транспорте царил разруха. Грузооборот железных дорог сократился в 10 раз, морских портов – более чем в 16 раз [3]. Вследствие полного расстройств финансовой системы большинство денежных знаков стоили дешевле той бумаги, на которой печатались [4].

Летом 1921 года в результате засухи в Крыму погибло 42% посевов, 2/3 крупного рогатого скота, а уцелевшие посевы давали лишь несколько пудов с десятины [5]. Вследствие этого уже в августе на полуострове начался голод [6], продолжавшийся до лета 1923 года и унесший приблизительно 100 тысяч жизней [7], что составляло примерно 15% населения Крыма на 1921 год. По причине этого бедствия 60,1% крестьянских хозяйств остались без скота, приблизительно столько же без сельхозинвентаря, 28,8% без посева и 29,2% смогли засеять в 1922 году только по одной десятине [8]. Обстановку осложнило нашествие саранчи, проливные дожди 1922 года [9]. Пик голода пришелся на март 1922 года, когда голодало 379 тысяч человек [10]. Бедствию сопутствовали невиданный размах уголовного бандитизма, эпидемия тифа [11].

Важно отметить, что, согласно архивным данным, несмотря на постепенное преодоление голода и его последствий, а также определенный хозяйственный подъем, наблюдавшийся в 1923–1925 годах, уровень жизни большей части населения Крыма продолжал оставаться крайне невысоким. Таким образом, следует заключить, что экономическая ситуация объективно могла являться фактором, стимулирующим недовольство значительной части населения властями, а значит, представляла благоприятную почву для развития всех форм борьбы с режимом РКП(б). Однако, на наш взгляд, на эти процессы решающее воздействие оказали все же политические факторы, среди которых важное место занимала политика военного коммунизма.

Так, до 1 июня 1921 года власти полуострова сохраняли продразверстку. Она взималась по нереальным цифрам задания (планировалось взимание продовольственного хлеба в размере 2000000 пудов, кормового зерна 2400000 пудов, объемистого фуража также 2400000 пудов [12]) и вызывала резкий протест крестьянства, вплоть до попыток восстания на Южном берегу [13]. В этой связи важно добавить, что имеются примеры, когда отрядами особых отделов ВЧК помимо разверстки дополнительно изымалось продовольствие у крестьян [14].

Огромной ошибкой, на наш взгляд, являлась передача 1134 конфискованных помещичьих имений в государственный фонд и создание на их базе совхозов. Большая часть совхозной земли весной 1921 года оказалась необработанной [15]. Следует отметить, что в то время, когда под совхозы передали до миллиона десятин земли, примерно 40% крестьян в Крыму оставались безземельными [16].

Тяжелейшим образом на положении крымского населения сказывался также запрет частной торговли.

Помимо этого, "военно-революционные власти" полуострова в конце 1920–1921 годов регулярно проводили мероприятия по "изъятию излишков", что не могло не подрывать авторитет большевистского руководства у большинства населения, не сеять недоверие и зачастую даже ненависть по отношению к руководителям Крыма. Положение усугубляли бесчисленные злоупотребления и откровенный произвол со стороны многих представителей власти. Так, при проведении продразверстки наблюдались "бесчисленные злоупотребления должностных лиц, хищения и аферы продагентов" [17]. Наряду с этим "отдельные красноармейские отряды занимались грабежами, и никто их от этого не мог остановить" [18].

Важным фактором, серьезно дестабилизировавшим политическую ситуацию, явился также беспрецедентный массовый террор, развязанный в Крыму в конце 1920 года, и политика партийного диктата.

На основе имеющихся источников можно прийти к выводу, что красный террор в Крыму в конце 1920–1921 годов был вполне закономерен в условиях существовавшего режима, идеологически обоснован лидерами РКП(б) и планировался Центром. Целью

этого террора являлось уничтожение насколько возможно большего числа как явных, так и потенциальных "классовых врагов".

Говоря о динамике террора в Крыму, следует отметить, что всплеск расправ приходился на зиму 1920–1921 годов, затем волна понемногу спадала до конца 1921 года [19]. Точное количество погибших вследствие террора не установлено. В.П. Петров полагает, что "общее число погибших превышает 20 тысяч человек, хотя эта цифра не является окончательной" [20]. С.А. Усов считает, что жертв террора было не менее 40 тысяч человек [21]. М.А. Волошин писал, что только за первую зиму было расстреляно 96 тысяч человек – на 800 тысяч всего населения [22]. И.С. Шмелев утверждал, что расстреляно более 120 тысяч мужчин, женщин, старцев и детей [23]. Встречается даже цифра – 150 тысяч [24]. Так или иначе, но, несмотря на разногласия исследователей, все сходятся в одном – террор в Крыму носил неслыханные размеры.

По словам члена Коллегии Народного комиссариата по делам национальностей М.Х. Султан-Галиева, "...среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти..." [25]. Данным Султан-Галиева вторят материалы следственного дела № 707/403 о преступлениях членов коллегии Керченской ЧК: "...из числа расстрелянных 51–52% рабочих тяжелого труда и из числа содержащихся под стражей в комиссии рабочих 77%" [26].

На развитие антибольшевистских выступлений также, несомненно, повлияло стремление новых властей любыми путями поставить под свой тотальный контроль все сферы общественной жизнедеятельности, подавить любое инакомыслие.

И опубликованные, и архивные источники свидетельствуют, что существовавший в первой половине 1920–х годов моральный климат представлял собой очень благоприятную почву для развития всех форм контрреволюции. Власть большевиков в Крыму в этот период держалась не на поддержке населения полуострова, а на штыках красноармейцев, которые жили "отдельной семьей, нисколько не заражаясь психологией окружающей массы" [27].

В динамике антибольшевистских выступлений в Крыму в первой половине 1920–х годов нами выделяется два больших, относительно самостоятельных этапа. Они обособляются не только в зависимости от хронологической специфики, но и в соответствии с характером борьбы с властями полуострова.

Первый этап длился с конца 1920 до конца 1922 года.

В этот период антибольшевистские выступления преимущественно приняли форму вооруженного антибольшевистского движения, получившего в документах советских и партийных учреждений наименование "политического бандитизма", или движения "бело-зеленых" ("зеленых"). Это движение следует определять как совокупную деятельность различных общественных группировок Крыма, преследующую цель свержения власти большевиков.

Под "бандами с политической окраской" или "бело-зелеными", представлявшими "одну из самых серьезных опасностей и угроз" для власти большевиков, подразумевались вооруженные формирования, создаваемые в крымских горах и лесах из избежавших смерти военнослужащих армии Врангеля, махновцев, недовольных политикой Советской власти крестьян, жителей городов. Нередко к этим группам присоединялись и чисто уголовные элементы. Зачастую группы "зеленых" возглавлялись врангелевскими офицерами.

Национальный контингент этих групп составляли представители русских, украинцев, крымских татар, чеченцев и других национальностей. Существовали и отряды, целиком состоявшие из крымских татар. К таковым относились, например, отряды Апаса и Мустафы-Курбы.

По воспоминаниям одного из руководителей борьбы с "политическим бандитизмом" на полуострове В. Ибраимова, возглавлявшего Чрезвычайную тройку по борьбе с бандитизмом, в крымских горах в то время действовали десятки групп [28]. Численность каждой из них в среднем колебалась от 20 до 70 человек [29]. Постепенно они распространились по всей территории полуострова.

На вооружении "зеленых" находились пулеметы, винтовки, револьверы, бомбы.

Формирования "бело-зеленых" уничтожали советских работников и коммунистов, вели антибольшевистскую агитацию, по мере сил срывали планы продразверстки, налаживали связь с антибольшевистским подпольем.

В развитии движения "бело-зеленых" можно выделить два временных отрезка. Первый из них длился приблизительно с начала декабря 1920 до конца июля 1921 года, т.е. с начала активной деятельности вооруженных отрядов до подписания рядом их руководителей мирных соглашений с большевиками, после которого наступило временное "затишье". Второй датируется приблизительно концом августа – началом сентября 1921 года и концом 1922 года, т.е. начало его совпадает с новым всплеском активности "зеленых", а конец – с ликвидацией (в целом) их организованного движения.

В мае-июне и осенью 1921 года для власти большевиков в Крыму существовала реальная угроза. Повстанческие группы действовали повсеместно и проявляли высокую активность. В июне 1921 года в связи с этим почти прекратилось авто-гужесообщение между крымскими уездами, в значительной мере была парализована работа местных органов власти. Вместе с тем следует отметить, что на втором этапе развития вооруженного антибольшевистского движения (когда основным его стимулятором выступал голод) это движение было более стихийным и менее опасным для большевистского руководства, чем на первом.

Тесную связь с отрядами "бело-зеленых" имели многочисленные подпольные организации, которые были ориентированы на укрепление и поддержку вооруженного антибольшевистского движения. Показательна в этом смысле деятельность организаций полковника Боженко (М. Дионисьева), графа Корвин-Весельского, помещика Лашкова.

Второй крупный этап антибольшевистских выступлений в Крыму датируется 1923–1925 годами.

Мероприятия властей, обусловленные переходом от политики военного коммунизма к новой экономической политике (отмена продразверстки, разрешение свободной торговли, начало процесса наделения крестьянства землей, избирательное налогообложение в период голода) способствовали тому, что применительно к 1923 году мы уже можем говорить не о сколько-нибудь широком антибольшевистском движении (что имело место в 1921–1922 годах), а лишь об отдельных случаях вооруженной борьбы. Примечательно, что при этом в оперативных материалах ЧОН фиксируется высокая мобильность групп "зеленых", стремление ряда "бандитов" покинуть пределы Крыма [30].

Значительное сокращение социальной базы контрреволюции обусловило постепенное смещение ее вектора с ориентации на повстанчество к созданию хорошо законспирированной подпольной сети. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в

деятельности возглавляемого полковником врангелевской контрразведки Уренюком "Крымского крестьянского объединения", которое было создано при непосредственной поддержке заграничных монархических кругов.

Согласно выработанному в заграничном монархическом центре плану предполагалось в Крыму произвести высадку белого десанта, а Украину и Кубань использовать для дальнейшего использования антисоветского фронта. Для содействия десанту в Крыму на Украине и Кубани предполагалось сформировать "монархические крестьянские объединения", на базе которых создать Повстанческую армию и поднять широкое вооруженное восстание.

С целью дестабилизации политической ситуации в Крыму возглавляемая полковником Уренюком ("атаманом Круком") организация развернула активную террористическую работу против представителей партийных и советских органов, но была ликвидирована органами ГПУ летом 1924-го года (см. Приложение 1).

В 1925 году активно проявило себя традиционно сильное севастопольское антибольшевистское подполье. Так, группа из бывших белых офицеров вооруженным путем захватила пароход "Утриш" и увела его на территорию Болгарии, где передала судно сосредоточенному в этой стране белому командованию и властям. Вслед за этим другая севастопольская группа попыталась угнать пароход "Игнатий Сергеев", но эта попытка была пресечена ГПУ, и подпольная группа ликвидирована [31].

После 1925 года сколько-нибудь значительных антибольшевистских выступлений не наблюдается.

Следует добавить, что на протяжении первой половины 1920-х годов в Крыму имели место также стихийные народные выступления. Примером может служить вооруженное восстание крестьян поселка Симеиз в ноябре 1921 года. Стихийные выступления не всегда носили вооруженный характер и не всегда преследовали крупномасштабные цели. В качестве примера таких выступлений можно привести забастовки рабочих, вызванные их неудовлетворительным материальным положением.

Для уяснения специфики политической ситуации в Крыму в первой половине 1920-х годов необходимо рассмотреть также вопрос об организации и деятельности партийных, советских, репрессивных органов, действовавших в регионе. Среди последних отметим структуры ВЧК – ГПУ, частей особого назначения (ЧОН), Красной Армии, милиции, юстиции, прокуратуры.

В своем становлении на территории Крыма органы ЧК прошли длительную и сложную эволюцию. В конце 1920-го года на территории полуострова действовали многочисленные обособленные и в целом независимые от местных властей органы ВЧК – особые отделы (главные проводники красного террора), транспортные ЧК, морские ЧК и т.д. Отсутствие согласованности и крупные "перегибы" в работе обусловили необходимость создания общего руководящего центра подобных органов в пределах Крыма. С этой целью уже 9 декабря 1920 года на полуострове создается региональный орган ВЧК – Крымская чрезвычайная комиссия (Крымчека) [32]. Тем не менее, единую централизованную систему органов ВЧК в Крыму окончательно удалось сформировать только в сентябре 1921 года [33].

Органы ВЧК наделялись правом внесудебных расправ с врагами установившегося большевистского режима, для борьбы с повстанческими отрядами в их распоряжении имелись боевые отряды. В первые месяцы после установления Советской власти на полуострове (ноябрь 1920 года – март 1921 года) очень активно использовались и даже доминировали такие "методы" работы, как массовое истребление потенциальных "классовых врагов", повальные обыски, аресты, облавы, тюрьмы наполнялись подозреваемыми. После выхода приказа ВЧК от 8 января 1921 года "О карательной

политике органов ЧК" вместо этого все шире стали применяться такие приемы чекистской работы, как осведомление, взятие на учет и проверка подозрительных лиц.

Следует отметить ряд негативных моментов в характере и принципах работы органов ЧК. Так, донос длительное время оставался достаточным основанием для ареста [34]. На протяжении всего 1921 года продолжал сохраняться институт заложничества [35]. Для судопроизводства было характерно применение классового подхода к обвиняемым, преследование за работу в гражданских и военных ведомствах белых правительств. Имело место наказание даже родственников людей, боровшихся ранее с большевиками. Так, Л.Г. Ларионова коллегия Симферопольской городской чрезвычайной комиссии решила "как политически неблагонадежного и брата контрразведчика заключить в концлагерь на 5 лет" [36].

6 февраля 1922 года был издан "Декрет ВЦИК об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов". В соответствии с этим Декретом Всероссийская чрезвычайная комиссия реорганизовывалась в Государственное политическое управление. Отныне все общеуголовные дела должны были передаваться в ревтрибуналы и народные суды по принадлежности. Деятельность ГПУ сосредоточивалась на раскрытии политических и антигосударственных преступлений. Внесудебные репрессии отменялись.

В начале 1922 года Крымская ЧК была реорганизована в Крымское политическое управление (КПУ) при ЦИК Крымской АССР [37]. Судя по архивным источникам, органы КПУ вновь обрели право во внесудебном порядке выносить смертные приговоры, для чего при ГПУ Крыма была сформирована тройка [38]. Рассмотрению во внесудебном порядке подлежали дела о контрреволюционных организациях, о фальшивомонетчиках и сотрудниках ГПУ [39]. Как и ранее органы ЧК, Крымское политическое управление имело специальные места заключения [40]. Помимо этого, при ГПУ Крыма действовало Особое совещание по административным высылкам [41].

Анализ деятельности органов ЧК – ГПУ в Крыму, которые пресекли существование целого ряда опасных для властей организаций, свидетельствует, что именно на них делалась главная ставка в борьбе с крымской контрреволюцией, они полностью соответствовали определению ЧК Центральным Комитетом РКП(б) как "боевого аппарата борьбы с контрреволюцией на внутреннем фронте" [42].

Важная роль отводилась властями и другим "органам подавления".

Особое место в их ряду занимают части особого назначения (ЧОН) Крыма. Части особого назначения были сформированы в Крыму 17 июня 1921 года [43]. ЧОН представляли собой военные отряды, создававшиеся партийными органами. Эти отряды использовались для ведения боевых действий против "бело-зеленых", для сбора разведывательной информации, охраны важных объектов, городов и сел, а также для содействия продовольственным и иным органам Советской власти.

Принципы боевого использования ЧОН состояли в том, что привлекать их к боевым действиям можно было лишь с разрешения соответствующего партийного комитета, обязательным являлось организационное взаимодействие с Красной Армией, ВЧК и милицией, силы частей особого назначения использовались исключительно для решения наиболее сложных и серьезных задач по защите "революционного порядка" [44].

На основании секретного "Положения о Советах частей особого назначения", утвержденного ЦК РКП(б) в октябре 1921 года, в округах (до октября 1921 года называвшихся уездами) стали создаваться Военные Советы ЧОН. Туда входили: секретарь окружного комитета РКП(б), командующий ЧОН округа, представитель

окружного военкомата, представитель ЧК. Главным предназначением Военного Совета ЧОН в округе было "установление теснейшей связи" ЧОН с окружным комитетом РКП(б) и органами гражданской и военной власти. В обязанности окружного Совета ЧОН входило: содействие командующему ЧОН и его штабу по учету членов РКП(б) и кандидатов РКП(б) и членов РКСМ – Российского Коммунистического союза молодежи (т.е. комсомольцев); наблюдение и выработка мер по обеспечению ЧОН всеми видами снабжения; наблюдение и выработка мер по обеспечению регулярной службы в ЧОН и содействие успешному проведению учебных и других сборов; руководство работой партийной и медицинской комиссий "в разбивке по очередям призыва", дача заключения по спорным вопросам и в случае расхождения с комиссиями направление вопроса на окончательное разрешение в вышестоящий Совет ЧОН. Иными словами, можно констатировать, что Военный Совет ЧОН округа наблюдал за боевой готовностью ЧОН и за несением ими службы. Он должен был собираться не менее двух раз в месяц и не вмешиваться в техническую (оперативную) сторону управления ЧОН.

Наряду с окружными Советами частей особого назначения был создан Военный Совет ЧОН Крыма, располагавший аналогичными полномочиями в масштабах полуострова (см. Приложения 2, 3, 4).

На основании имеющихся архивных данных можно прийти к заключению, что ЧОН Крыма сыграли важную роль в борьбе с антибольшевистскими выступлениями. Бойцы-чоновцы добывали данные о состоянии оперативной обстановки по всему полуострову, отбивали нападения "зеленых", совершали рейды с целью ликвидации их формирований [45].

Ввиду общей стабилизации политической обстановки на полуострове летом 1924 года ЧОН Крыма были расформированы.

Для борьбы с антибольшевистскими выступлениями наряду с органами ЧК и ЧОН власти активно использовали отряды РККА, милиции (см. Приложение 5), "рабочие отряды" и "отряды сельской самообороны", которые также сыграли определенную роль в ликвидации этих выступлений.

Важно отметить, что уже с момента занятия полуострова Красной Армией в Крыму стала действовать система революционных трибуналов. В соответствии с "Основным положением о революционных трибуналах", они учреждались "в целях объединения деятельности органов по борьбе с преступными деяниями, направленными против рабоче-крестьянской власти и устанавливаемых революцией порядков" [46]. 1 августа 1921 года был образован Единый революционный трибунал Крыма (ЕРТК) в составе четырех судебных отделений: военного, основного, налогового и выездного [47]. 24 февраля 1922 года взамен ЕРТК был образован Верховный трибунал при Крым ЦИКе с кассационными и надзорными функциями и при нем два отделения: в Симферополе и Севастополе. В отчете Народного комиссариата юстиции Крымской АССР отмечалось, что "условия работы этих трибуналов были весьма плачевны ввиду почти полного отсутствия средств и малой опытности личного состава. Это положение усугублялось голодом и сильно возросшей, ввиду этого, преступности. Тем не менее, работа их протекала весьма интенсивно" [48].

В соответствии с постановлением Президиума Крым ЦИК от 23 января 1923 года был учрежден Всекрымский суд, который 29 августа того же года был переименован в Главный суд Крыма. В его ведение перешли функции, осуществлявшиеся ранее революционными трибуналами. Характеризуя судебную деятельность Главсуда Крыма, следует отметить, что из всех уголовных преступлений, рассмотренных в судебных заседаниях в 1923 году, контрреволюция занимала 3,5%, в 1924 году – 6%, в первой половине 1925 года – 3%. Обращает внимание общая тенденция к смягчению наказаний. Так, в 1923 году расстрел составлял 2% от общего числа наказаний, в 1924 году – 3%, в первой половине 1925 года – 1%. К концу 1925 года фактическое

лишение свободы составляло лишь 49% от общего числа наказаний, вынесенных судебной коллегией Главсуда [49].

В организации судопроизводства важную роль сыграли органы, в компетенцию которых входило административно-техническое обеспечение крымской юстиции. 27 ноября 1920 года Крымским революционным комитетом был образован юридический отдел. При юридическом отделе существовали следующие подотделы: судебный, юрисконсультский, финансово-хозяйственный, нотариальный, тюремно-карательный [50]. Юридический отдел получил также наименование Центрального отдела юстиции [51]. Крым был разделен на семь судебных округов с образованием в каждом из них уездных бюро юстиции, в административном подчинении которых находились: участковые Народные суды, Народные следователи, пункты бесплатной юридической помощи и места заключения. В ноябре 1921 года в связи с избранием Совета Народных Комиссаров Крыма (этот орган заменил сложившийся полномочия Крымский революционный комитет) вместо Центрального отдела юстиции стал функционировать Народный комиссариат юстиции Крыма (НКЮ Крыма). Его структура включала в себя семь отделов: организационно-инструкторский; законодательных предположений и кодификации; управления делами; высшего судебного контроля; исправительно-трудовой; прокуратуры; государственный нотариат (последние два отдела были образованы только в конце 1922 года). До этого времени функции прокуратуры, а именно наблюдение за законностью действий судебных и административных органов и опротестование их, а также пересмотра в порядке надзора судебных приговоров и решений – принадлежали отделу высшего судебного контроля, имевшему право объявлять приговоры и решения народных судов "не имеющими законной силы" [52].

Важным шагом на пути реформирования крымских органов юстиции и придания их деятельности организованного характера стала организация Прокуратуры Крыма, которая была учреждена "Положением о прокурорском надзоре" от 25 августа 1922 года [53].

В функции Прокуратуры входило осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования постановлений, нарушающих закон; непосредственное наблюдение за деятельностью Государственного политического управления и других следственных органов; поддержание обвинения в суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей [54].

Характеризуя личный состав крымских органов юстиции и прокуратуры, следует отметить, что Народный комиссариат юстиции Крымской АССР проводил "неуклонную линию к полнейшей пролетаризации" аппарата, что к концу 1925 года в значительной мере было реализовано. Постоянно повышался процент работников – членов РКП(б) (см. Приложение 6).

Действия различных репрессивных органов по борьбе с антибольшевистскими выступлениями в 1921 году координировались Особым совещанием по борьбе с бандитизмом, в 1922 году – Чрезвычайной тройкой по борьбе с бандитизмом, а позднее – Советом Народных Комиссаров Крымской АССР. Роль Областного комитета РКП(б), Крымского революционного комитета, а позднее Крым ЦИКа и Совета Народных Комиссаров Крымской АССР в руководстве карательными органами была далеко не столь всеобъемлющей, как утверждала советская историография. Они осуществляли, по нашему убеждению, лишь общеполитическое и идеологическое руководство.

Взаимоотношения между партийными, советскими и репрессивными органами Крыма в первой половине 1920-х годов отмечены как продуктивным взаимодействием, так и борьбой за сферы влияния, выразившейся в ряде конфликтов между представителями различных "военно-революционных" структур.

В заключение отметим, что в ликвидации угрозы, которую представляли для новых властей полуострова антибольшевистские выступления, решающую роль сыграли все же не военные, а, главным образом, политико-экономические мероприятия.

Кроме того, итоговое поражение крымской контрреволюции в значительной мере было обусловлено отсутствием у нее единого руководящего центра и связанной с этим разрозненностью действий, отсутствием единой политической и идеологической платформы.

---

*)

1. 1. Крымская АССР (1927 - 1945). Вопросы-ответы/Сост. Ю.И. Горбунов. - Симферополь, 1990. - Вып. 3. - С. 8.
2. Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г.-октябрь 1921 г.)//Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10-18 ноября 1995: Материалы. - Симферополь, 1995. - С. 61.
3. Там же. - С. 61.
4. Там же. - С. 61.
5. Там же. - С. 61.
6. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. - Симферополь, 1997. - С. 334.
7. Там же. - С. 342.
8. Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920-1940 гг.): особенности, трудности, просчеты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Днепропетровск, 1992. - С. 12.
9. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С. 334.
10. Там же. - С. 337.
11. Там же. - С. 337.
12. Красный Крым. - 1921. - 7 апреля.
13. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С. 335.
14. Государственный архив Автономной Республики Крым (далее - ГААРК), ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 35.
15. Крымская АССР (1927- 1945). - С. 9.
16. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С. 335.
17. Архив Главного Управления СБУ в Крыму, ф.1, оп.1, годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год. Стлб.13.
18. Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму/Предисловие, подготовка текста и комментарии С.А. Усова//Крымский архив. - 1996. - № 2. - С. 87.
19. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С. 333.
20. Петров В.П. Указ. соч. - С. 91.
21. Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. - С. 96.
22. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С. 333.
23. Мельгунов С.П. Указ. соч. - С. 66.
24. Там же. - С. 66.
25. Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. - С. 86.
26. ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 91, л. 68 об.
27. ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 9.
28. Красный Крым. - 1926. - 19 декабря.
29. Архив Главного Управления СБУ в Крыму, ф. 1, оп. 1, годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год. Стлб. 93.
30. ГААРК, ф. Р-3285, оп. 2, д. 91, л. 71 об.
31. Красный Крым. - 1927. - 18 декабря. - Приложение.

32. Видоменко В.А. Всегда на посту//Орлов Г.С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. – Симферополь, 1987. – С. 6.
33. Архив Главного Управления СБУ в Крыму, ф. 1, оп. 1, годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год. Стлб.2-7. Ишин А.В. Становление системы органов ВЧК в Крыму (конец 1920-1921 годы) // Крымский Архив. – 2001. – № 7. – С. 13-23.
34. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 65, л. 498.
35. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 218, л. 42; ГААРК, ф. Р-3285, оп. 2, д. 6, л. 17 об.
36. ГААРК, ф. Р-1881, оп. 1, д. 1, л. 18.
37. Архив Главного Управления СБУ в Крыму, ф. 1, оп. 1, годовой отчет Крымской ЧК за 1921 год. Стлб. 7.
38. ГААРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 8, л. 27.
39. ГААРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 9, л. 64, 128.
40. ГААРК, ф. Р-702, оп. 1, д. 8, л. 16.
41. ГААРК, ф. Р-702, оп. 1, д. 16, л. 13-13 об.
42. Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917-1922 гг.). – М., 1960. – С. 222.
43. ГААРК, ф. Р-3285, оп. 1, д. 229, л. 2 об.
44. Кукель Э.М. Части особого назначения (ЧОН) Украины в борьбе с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1920-1924 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Днепропетровск, 1975. – С. 24.
45. ГААРК, ф. Р-3285, оп. 2, д. 6, л. 6.
46. Красный Крым. – 1921. – 25 ноября.
47. ГААРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 10, л. 40.
48. Там же, л. 40.
49. Там же, л. 43 об.-44.
50. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ соч. – С. 324.
51. ГААРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 10, л. 1.
52. Там же, л. 2.
53. Там же, л. 21об.
54. Там же, л. 21-21об.

Приложение 1

Выдержки из воззваний "Крымского крестьянского объединения"

I

"Граждане! Льется рекой братская кровь... Это коммунисты не поделили ленинского наследства и грызутся между собой. Гибнут наши лучшие силы, гибнет надежда будущей России, увеличивая собой число обреченных в жертву красному Ваалу – Интернационалу.

И в это время вы безучастны. Страх перед системой ГПУ сковал вас.

Встряхнитесь же! Настал момент, везде восстания.

Объединяйтесь и помогайте нам.

Вперед же за правду, право и поруганную страдалицу-мать" (Очевидно, что данное воззвание в известной мере было рассчитано на несведущих в политическом отношении людей, так как повсеместных восстаний в 1923-1924 гг. уже не было – А.И.).

II

"Мы должны:

- 1) Объявить комиссарскую власть низложенной, а членов Совнаркома – вне закона.
- 2) Удалить из армии всех коммунистов, комсомольцев и безбожников.
- 3) Сообщить за границу по радио о перевороте, призывая генерала Врангеля и Великого Князя Николая Николаевича срочно вернуться в Россию.

4) По свержении комиссарской власти на местах призвать в воинские части священников, не продавшихся красной церкви, очистить храмы, отговорить, приобщиться и исповедаться во грехах.
Группа военспецов".

III

"Дни пролетарской власти сочтены. Земля дрожит под ногами комиссаров, и весь воздух накален всеобщей ненавистью.
Когда комиссарская власть падет и народ поставит на русской земле не власть рабочих, не власть крестьян, а Хозяина – тогда мы будем счастливы сознанием, что здесь есть и наша работа".

IV

"...Мертвая вода, которой социал-коммунизм окропил нашу землю – классовая ненависть. В воздухе, пропитанном лозунгами классовой вражды, не может быть ни честности, ни справедливости... Честный фабрикант, создавший дело, всю жизнь неотступно проработавший над его развитием, вынужден удирать за границу обруганным "бездельником и тунеядцем".

V

"Великий Князь решительно заявил, что он готов отдать себя целиком на служение Родине и не поколеблется исполнить свой долг перед ней.
От самих русских людей зависит дать Великому Князю уверенность, что для него настал час выступить для спасения России.
И если русские люди внутри красной России хотят ускорить этот час, им следует всеми путями, всеми способами направлять к Великому Князю делегатов, ходоков и призывы стать на защиту Родины, терзаемой чужаками" [Красный Крым. – 1925. – 15 февраля].

Приложение 2

Архивный документ

Секретно

ИМЕННОЙ СПИСОК

Членов Совета ЧОН Крыма (по состоянию на 7 февраля 1924 года – А.И.)

Фамилия, имя, отчество

члена Совета ЧОН

Место службы

Занимаемая должность

Саид-Галиев

Совнарком Крымской АССР

председатель Совнаркома Крымской АССР

Уфимцев Николай Иванович

ОК РКП(б)

секретарь ОК РКП(б)

Коган Исаак Ефимович

ОК РКСМ

секретарь ОК РКСМ

Лимберг Мартын Карлович

ЧОН Крыма

командующий ЧОН Крыма

Реденс Станислав Францевич

КПУ
Председатель КПУ

Дзеза Григорий Антонович
Крымский военкомат
крымвоенком

Гончаров Иван Васильевич
Совнарком Крымской АССР
заместитель председателя Совнаркома Крымской АССР

Берсен Георгий Адамович
ОК РКП(б)
начорготдела ОК РКП(б)

Рутановский Георгий Владимирович
ОК РКСМ
заместитель секретаря ОК РКСМ

Кичатов Михаил Матвеевич
ЧОН Крыма
начальник штаба ЧОН

Корженко Василий Саввич
КПУ
заместитель председателя КПУ

Старчай Василий Николаевич
Крымский военкомат
помощник крымвоенкома

Пп. врид. начальника штаба /Карпушкин/
1-й помначштаба /Кишилов/ [ГААРК, ф. Р-3285, оп. 1, д. 667, л. 66]

Приложение 3
Архивный документ
Секретно
ИМЕННОЙ СПИСОК
Членов Совещания при 25 особого назначения Симферопольском батальоне
(по состоянию на 7 февраля 1924 года – А.И.)
Фамилия, имя, отчество члена Совещания
Место службы
Занимаемая должность

Кичатов Михаил Матвеевич
управление ЧОН Крыма
начальник штаба

Хасман Мир Вениаминович
окружком РКП(б)
секретарь окружкома РКП(б)

Кампф Адольф Иосифович

25 ОН Симферопольский батальон
командир батальона

Пп. врид. начштаба /Карпушкин/
1-й помначштаба /Кишилов/ [ГААРК, ф. Р-3285, оп. 1, д. 667, л. 66]

Приложение 4
Архивный документ
Секретно

ИМЕННОЙ СПИСОК

Членов Советов частей особого назначения Севастопольского, Евпаторийского, Джанкойского, Ялтинского, Феодосийского, Керченского и Алуштинского районов (по состоянию на 7 февраля 1924 года – А.И.)

Фамилия, имя, отчество

Место службы

Занимаемая должность

Примечание

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН

Овчаренко Леонид Георгиевич
26 ОН Севастопольский батальон

командир батальона

Богданов Иван Андреевич
исполком
председатель исполкома
утвержден как член СОВЧОНа в заседании СОВЧОН Крыма п/г протокол № 14

Носов Иван Петрович
райком РКП(б)
секретарь райкома РКП(б)

Карга Самуил Абрамович
Севастопольский округ ОГПУ
уполномоченный ОГПУ

Глушков Филипп Алексеевич
районный военкомат
райвоенком

Богданов Михаил Сергеевич
штаб крепости
комендант крепости
утвержден как член СОВЧОНа в заседании СОВЧОН Крыма п/г протокол № 14

Лу[н]ин Николай Ефимович
райком РКСМ

секретарь райкома РКСМ

ЕВПАТОРИЙСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН

[Ф]едоренко Лев Лаврентиевич
35 ОН Евпаторийская отдельная рота
комроты

Касилов Георгий Федорович
райком РКП(б)
секретарь райкома РКП(б)

Ищенко Яков Андреевич
райвоенкомат
райвоенком
тов. Варнаков его помощник

Старосельцев Николай Дмитриевич
пограничное отделение ГПУ
начальник погран отделения ГПУ

Март[ы]нов Захарий
райком РКСМ
секретарь райкома РКСМ

ДЖАНКОЙСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН

Самохвалов Никита Сергеевич
36 ОН отдельная рота
комроты

Варлен Наум Иосифович
райком РКП(б)
секретарь райкома РКП(б)

Немену[щ]ий Израил Романович
райвоенкомат
райвоенком
т. Яковлев его помощник

Розенфельд Альфред Иванович
пограничное отделение ГПУ
уполномоченный ГПУ

Глузман Аарон
райком РКСМ
секретарь райкома РКСМ

ЯЛТИНСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН

Яковлев Федор Григорьевич
37 ОН Ялтинская отдельная рота
комроты

Мастынь Карл Леонардович
райком РКП(б)
секретарь райкома РКП(б)

Смирнов Петр
райвоенкомат
райвоенком

Кудрявцев
пограничное отделение ГПУ
начальник пограничного отделения ГПУ

Умеров Бекир
райком РКСМ
секретарь райкома РКСМ

ФЕОДОСИЙСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН

Андро[н]ов Иван Иванович
38 ОН Феодосийская отдельная рота
комроты

Николос Иван
райком РКП(б)
секретарь райкома РКП(б)

Козлов Василий Петрович
райисполком
председатель исполкома

Федоров Сергей
райвоенкомат
райвоенком
его помощник Степанов Николай

Константиновских
пограничное отделение ГПУ
председатель пограничного отделения ГПУ
его заместитель Молецкий Иосиф

Сигналов Наум
райком РКСМ
секретарь райкома РКСМ

КЕРЧЕНСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН

Л[ы]марь Михаил Ефимович
39 ОН Керченская отдельная рота
комроты

Волгин
райком РКП(б)
секретарь райкома РКП(б)

Басов Григорий Гаврилович
райвоенкомат
райвоенком

Лев Александр Петрович
пограничное отделение ГПУ
начальник пограничного отделения ГПУ

Конаевич
райком РКСМ
секретарь райкома РКСМ

АЛУШТИНСКИЙ РАЙОННЫЙ СОВЧОН

[Ш] енсович Аркадий Иванович
40 ОН Алуштинская отдельная рота
комроты

Муртазин Ахмет
райком РКП(б)
секретарь
райкома РКП(б)

Нагаев
райисполком
предрайисполкома

Алиев
райком РКСМ
секретарь райкома РКСМ

Слесаренко
пограничный пост ГПУ
начальник пограничного поста ГПУ

Пп. врид. начальника штаба /Карпушкин/
1-й помначштаба /Кишилов/ [ГААРК, ф. Р-3285, оп. 1, д. 667, л. 67-67 об.]

Приложение 5

Архивный документ

Схема дислокации крымской милиции по состоянию на 1-е января 1924 года

№	Наименование управлений	Местонахождение	Примечание
---	-------------------------	-----------------	------------

п/п	рай-гормилиций и их участков	управлений и участков	
-----	------------------------------	-----------------------	--

1. Центральное Административное Управление (ЦАУ) г. Симферополь, Советская № 11
2. Симферопольская рай-гормилиция там же
  - 1-й гор. участок Кладбищенская № 54
  - 2-й гор-участок М.- Базарная № 16
  - 3-й гор-участок там же
  - 4-й гор-участок Феодосийская № 7
  - 5-й гор-участок Екатерининская № 25
  - 6-й гор-участок там же
  - 7-й рай-участок дер. Булганак
  - 8-й участок село Зуи
3. Севастопольская рай-гормилиция г. Севастополь, Чесменская ул. № 34
  - 1-й гор-участок г. Севастополь
  - 2-й гор-участок
  - 3-й гор-участок
  - 4-й гор-участок
  - 5-й гор-участок
  - 6-й гор-участок
  - 7-й рай-участок г. Балаклава
  - 8-й гор-участок Чаргунь
  - 9-й гор-участок Байдары
4. Ялтинская рай-гормилиция г. Ялта, Гоголевская № 10
  - 1-й гор-участок г. Ялта
  - 2-й гор-участок
  - 3-й гор-участок
  - 4-й гор-участок
  - 5-й гор-участок рай-участок г. Алушка
  - 6-й гор-участок Гурзуф
5. Евпаторийская рай-гормилиция г. Евпатория, ул. Революции
  - 1-й гор-участок г. Евпатория
  - 2-й гор-участок
  - 3-й гор-участок
  - 4-й рай-участок село Саки
  - 5-й участок дер. Джелал
6. Феодосийская рай-гормилиция г. Феодосия
  - 1-й гор-участок г. Феодосия
  - 2-й...
  - 3-й... Владиславовка

- 4-й...
- 5-й рай-участок Ко[ш]ан (Акманайский участок)
- 6-й... Счастливецво (Арабатская стрелка)
- 7-й... Ички
- 8-й... Андреевка
- 9-й... Емельяновка
7. Керченская рай-гормилиция г. Керчь
- 1-й гор-участок г. Керчь
- 2-й...
- 3-й...
- 4-й рай-участок Сараймин
- 5-й... Эни-Кале и Спасное
- 6-й... Маяк-Салын
- 7-й... с. Ленинское
- 8-й... Ташлыяр
- 9-й... Джапар-Берды
8. Джанкойская районная милиция г. Джанкой
- 1-й рай-участок Ак-Шеих
- 2-й... Курман-Кемельчи
- 3-й... А[к]чета
- 4-й... Марьино
- 5-й... Таганаш
9. Бахчисарайская районная милиция г. Бахчисарай
- 1-й рай-участок с. Мангуш
- 2-й... с. Калынтай Качинский участок
- 3-й... Фоти-Салы Кокозский участок
10. Карасубазарская районная милиция г. Карасубазар (ныне Белогорск – А.И.)
- 1-й рай-участок Арчин
- 2-й... Бахчи-Эли
- 3-й... Ново-Царицыно
11. Алуштинская районная милиция г. Алушта
- 1-й рай-участок дер. Шуша
- 2-й... дер. Бижок-Ломбат
- 3-й... Кучук-Узет
12. Сарабузская районная милиция Сарабуз (ныне пос. Гвардейское Симф. района – А.И.)
- 1-й рай-участок Село Шулук Камбарский участок
- 2-й... Нижне-[О]сман Бижок-Онларский участок
- 3-й... дер. Кинчак
- 4-й... Чен-граф
13. Армянская районная милиция Армянск
- 1-й рай-участок Карпова Балка
- 2-й... Воронцовка
- 3-й... Воинка
14. Ак-Мечетская районная милиция Ак-Мечеть (ныне райцентр Черноморское – А.И.)
- 1-й рай-участок Огоджа-Немецкая
- 2-й... дер. Купон

3-й... Би-Орлюкск
4-й... село Стай

15. Судакская районная милиция г. Судак
1-й рай-участок Капсиюр
2-й... Таракташ

16. Старо-Крымская районная милиция г. Старый Крым
1-й рай-участок Кишлав
2-й... Изюмовка

[ГААРК, ф. Р-1108, оп. 1, д. 7, л. 11-12]

<http://www.commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=82&par=74&l=&art=246>

=====